

18+

ИСПОВЕДЬ ДЕМОНОЛОГА

МАРИЯ САКРЫТИНА

Young Adult. Междумирье

Мария Сакрытина

Исповедь демонолога

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сакрытина М. Н.

Исповедь демонолога / М. Н. Сакрытина — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Междумирье)

ISBN 978-5-04-186821-5

Элвин — спутник богатой влиятельной дамы. Он продал ей собственное будущее за возможность спасти семью. На одном из балов юноша встречается Шериаду, племянницу короля. Ходят слухи, что она связана с черными колдунами. Принцесса так заинтересовывается Элвином, что увозит спутника в свое поместье. Молодой человек готовится к смерти, но Шериада называет его магом и приводит в академию Арлисс. Здесь ему предстоит обучиться искусству демонолога. Однако Элвин не верит в магию и считает себя простым смертным. Но все меняется, когда перед ним предстает Повелитель демонов, жаждущий заполучить мага себе на службу. Демон шантажирует юношу, и теперь тому предстоит выбрать, на чьей он стороне...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186821-5

© Сакрытина М. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мария Сакрытина

Исповедь демонолога

© Мария Сакрытина, 2023

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Иллюстрация на обложке Тищенко Ирины (Soma)

Арты на форзацах Яны Слепцовой (Panda)

Художественное оформление Екатерины Постновой

Во внутреннем макете использованы иллюстрации: © silence_Scream_4rwork19, MIKHAIL BALASHOV, bogadeva1983, ArinaBodorina, Natalia Mikhachuk, ТРУХА Illustration/Shutterstock.com

* * *

«Представьте, что весь ваш мир переворачивается в одночасье с ног на голову. Готическая история о юноше, который не верит в магию, но узнает, что сам обладает силами демонолога. Приготовьтесь, вас ждет путешествие в оригинальный и проработанный мир, где вы увидите, что такое дружба, сила и власть, а также совершенно новый взгляд на Dark Academia».

Ксюша, книжный блогер, @mal_books

«Можно бесконечно смотреть на огонь, воду и на то, как Элвин отрицает, что он маг. "Исповедь" с первых строк захватывает бодрим сюжетом и необычными героями, а юмор врывается в самые, казалось бы, драматичные моменты. Мощная концовка не оставляет читателю выбора – только схватиться за продолжение».

Натали Марк, книжный блогер, (5)mmark books

Глава 1

Когда тебе восемнадцать, мир кажется ярким, а жизнь – вечной.

Особенно если ты красив, а еще умен настолько, что собираешься поступать в лучший колледж страны. Ты мечтаешь вырваться из родного города, думаешь поселиться в столице, завести влиятельных друзей, – может, даже из числа аристократов. У тебя есть шанс на будущее, уважение и благополучие.

Повсюду возможности – только руку протяни.

Со мной так и было. Тогда я еще жил на Острове – в маленьком королевстве, не слишком богатом и от чудес материка – Большой Земли, как мы его называем, – отделенного морем. Мой мир ограничивался лишь этим Островом, ведь с Большой Землей мы тогда не торговали, у нас вообще никакого сообщения с ней не было, если не считать пиратов, время от времени опустошавших наши берега. Говорят, до Потопа наше королевство было могущественным и полным чудес – люди даже по небу летали! Никакой магии, в нее у нас до сих пор не верят, все дело в науке – до Потопа она достигла небывалых высот. Но то было давно, о тех временах рассказывают только книги. Что-то нам удалось сохранить, что-то пришлось изобретать заново. До полетов нам далеко и теперь, вершина нашей науки сейчас – паровой двигатель.

Простолюдин из провинции, я в восемнадцать сумел получить стипендию на учебу в лучшем столичном колледже и готовился стать инженером. Я был счастлив, и будущее виделось мне в ярком свете.

Но перед самым моим отъездом на учебу в угольной шахте, где работал в это время мой отец, произошел страшный обвал, и отец погиб вместе со всей бригадой. Все мои надежды рухнули. Скопленных денег едва-едва хватило на похороны, а на аренду жилья и налоги – уже

нет. А ведь наша семья не бездельничала: мать шила на заказ, мы с Тиной работали на фабрике. Но без зарплаты отца наших денег хватало только на еду.

Вдобавок Тину совсем замучили приступы кашля. Болела она уже давно, но горе совсем ее подкосило. Я все понял, когда увидел на ее платке кровь.

Лекарства от чахотки на нашем Острове дóроги. Врач в городской больнице, осмотрев сестру, сказал, что Тине осталось полгода или в лучшем случае год. Конечно, если она пройдет курс лечения в столице, то, быть может...

На Острове, когда тебе восемнадцать, ты красив и тебе срочно нужны большие деньги, единственный способ быстро и законно получить их – стать спутником богатой скукающей аристократки.

Пристойно это только на словах. У нас равные права у мужчин и женщин. Звучит это красиво, но на деле означает, что моя сестра, вместо того чтобы поступить в художественную школу, вынуждена была устроиться на фабрику в тринадцать – вместе со мной. Уверен, заразились она именно там.

Но это у бедняков. У аристократов иначе: богатая леди имеет свой доход, поэтому, если ей наскучил муж, а развод по каким-либо причинам нежелателен, она может купить себе какого пожелает юношу из бедных, который заменит ей супруга... в некотором роде.

Спрос на красивые лица в столице велик, я даже не представлял насколько, пока не попал сюда. Однако и здесь меня ждал успех. Полученного вознаграждения хватило на лекарства для сестры и пенсию для матери.

Больше я их не видел.

Быть спутником – это быть для своей госпожи всегда улыбочивым, обходительным, вежливым и исполнять любой ее каприз. На Острове рабство незаконно, если только ты не продаешь себя сам. А именно это я и сделал.

Теперь мир не казался мне ярким, а жизнь тянулась мучительно. Спутник работает до двадцати пяти, редко – до тридцати лет. Пока молодость не увянет, а красота не загрубеет. Потом у него лишь одна дорога – в бордель, где он протянет в лучшем случае год, а потом умрет от той же чахотки.

Спутник – это когда на тебя смотрят с презрением даже слуги. Когда вынужден делать вещи, которые стыдно даже представить. Когда ненавидишь все вокруг, а больше всего – себя.

Я не знал, вылечилась ли сестра, стала ли она художницей, как они живут с матерью. Предполагалось, что я забуду свою прошлую жизнь и не буду думать ни о чем, кроме работы. Впрочем, спутнику вообще думать не следует. Ему нужно быть красивым и улыбаться.

К двадцати годам я научился очаровывать одним лишь взглядом... И чувствовал себя гнилым внутри, как будто я умер вместе с отцом и разлагаюсь, только снаружи этого не видно.

Я думал, так будет всегда, и не представлял, что что-то может измениться.

Я ошибался.

В середине зимы король тяжело заболел. Он был далеко не молод, хворал и раньше, но в этот раз легкая простуда превратилась в лихорадку, и ему не помогали ни врачи, ни дорогие лекарства.

Королевский двор приготовился к трауру.

А потом появилась она. Рассказывали, она пришла из ниоткуда и вылечила короля одним прикосновением.

А еще при дворе говорят, что призрак пропавшей королевской сестры в полночь требует камеристку, так стоит ли верить подобным слухам?

Однако, выздоровев, король назвал ее своей племянницей – то есть дочерью той самой пропавшей сестры. И даровал титул принцессы.

Принцесса Шериада.

Тогда я впервые о ней услышал. Сейчас, спустя столько лет, смешно вспоминать, но в тот момент я не придавал ее появлению значения. Каких только слухов о ней ни ходило! Якобы она новая фаворитка, которой удалось взлететь выше, чем другим королевским пассиям. Или шпионка с Большой Земли, шаманка, целительница. Очарует короля – и нас всех ждет набег варваров из-за моря.

Никто не знал даже, как она выглядит.

Естественно, в высшем обществе только и разговоров было, что о ней.

– Откуда она взялась? – спросила как-то во время завтрака леди Лавиния, моя госпожа на тот момент.

Ее муж, граф Эштон, лишь хмыкнул в ответ, не отвлекаясь от газеты. Новоявленной принцессе посвятили целый разговор; о ней каждый день появлялось множество разных сплетен и домыслов.

Я подлил леди кофе, и она поймала мою руку и погладила. Не будь рядом мужа, дело бы этим не кончилось. Хотя... По утрам Лавиния не живет сонной мухи.

Но тогда муж был с нами, и он, конечно же, сделал вид, что ничего не заметил. У него самого имелась любовница – правда, из среднего класса, – и граф ездил к ней чуть ли не каждый вечер. Леди тоже закрывала на это глаза.

Свободные нравы высшего общества.

– И все-таки? – Лавиния поджала губы, отпустив мою руку.

Граф проворчал что-то неопределенное. Его больше волновали сводки фондовой биржи, а не очередная придворная сплетня.

– Уже ведь есть одна. Зачем им еще? – сказал он, когда Лавиния спросила в третий раз. Как любую даму, которая желала стать подругой королевы, а значит, получить влияние при дворе, этот вопрос очень ее волновал.

– Ах, ты не понимаешь! – отмахнулась графиня.

Их разговор за завтраком всегда сводился к одному: графиня пыталась обсудить последние сплетни, граф «не понимал», и беседа не клеилась. К обеду граф уезжал в Министерство финансов, а возвращался часто за полночь, задерживаясь после работы.

Впрочем, графиня без него не скучала.

Нас у нее было двое. То есть всего двое – удивительная прижимистость для женщины из высшего общества. Например, герцогиня Алден, первая модница двора, по слухам, держала целый гарем. «Никогда не выходи в свет дважды в одном платье и с одним мужчиной» был ее девиз. Сопровождавшие ее спутники действительно всегда были разными, как и платья.

Лавиния же утверждала, что привязчива и в ее сердце хватит места только мне и Раю.

– Король дает бал, – заметил граф, бросая газету.

Рай ее поднял и, зная, что на него не смотрят, закатил глаза. Ну да. Бал. Особенно королевский. Хуже только прием у той же герцогини Алден.

– Бал? – воодушевилась графиня. – Когда?

Рай протянул ей газету. Лавиния тут же уткнулась в нее: без очков она плохо видела.

– Через три дня! Господи, у меня же нет платья!

Рай снова закатил глаза. Ну да, сейчас графиня поспешит к портнихе и потащит нас за собой, как ручных собачек...

Граф подмигнул нам, уходя. Его, наверное, веселило, что кто-то, но не он, займется с его женой этими хлопотами.

Впрочем, когда наступил вечер бала, он уже не веселился. Графиня не могла отправиться во дворец одна: на такой-то прием – и явиться лишь со спутником? Ха. На этот раз графу не удалось отсидеться в своем кабинете и избежать выхода в свет. Страдали мы с ним, пожалуй, одинаково.

Балы королевская семья давала с размахом. Шампанское в фонтанах, фейерверк после заката, дорогие подарки для гостей... А гостей всегда бывало много, кареты на подъездной дорожке едва не сталкивались.

Но в этот раз мне казалось, что весь Остров собрался в душной зале, слишком узкой и слишком маленькой для такого числа приглашенных. И они все прибывали. Людской поток, говорливый, черно-белый (другие цвета при дворе запрещены), проходил в распахнутые двери, немного задерживался у церемониймейстера, а после двигался дальше, к парадной лестнице.

Леди Лавиния настояла на том, чтобы приехать пораньше – даже неприлично рано для графини. И сейчас, обмахиваясь пышным веером, прела в своей парче, довольная как никогда.

– А я говорила! – повторяла она, глядя на прибывающих гостей. – Мы-то сможем пройти к королю в числе первых. Я говорила!

Ее супруг по привычке молчал. Рай за его спиной подмигнул мне, изображая флирт Лавинии. Я с трудом сдержал усмешку.

Граф и графиня представляли собой колоритную пару, и если бы мне до смерти не надоело их видеть, я бы, пожалуй, веселился, как и Рай.

В королевском театре на прошлой неделе большой успех имела комедия «Тонкий и толстая». Удивительно, как граф с графиней не узнали в ее персонажах себя. Графиня представляла собой идеальный шар, а когда наряжалась, становилась похожей на праздничный торт. Оборки, рюш, парча – все это выглядело так, словно мяч упаковали в яркую подарочную бумагу и завязали разноцветными лентами. Помню, когда увидел ее впервые, удивлялся: как только она ходит? Конечно, графиня предпочитала передвигаться в паланкине, но... Когда-то же она ходит? «О, и даже бегают, – рассмеявшись, сказал мне тогда Рай. Он был с графиней дольше. – Но это что! Ты еще увидишь, как она танцует!»

Я увидел и оценил. Танцуя с графиней, нужно иметь железные ноги: отдавит и не заметит.

Граф, наоборот, был худ, если не сказать – тощ. Высокий, одетый в черное – отличительный цвет мужчин-аристократов, – он издалека напоминал фонарный столб.

Все ожидали, когда откроют двери в тронный зал и пригласят на поклон к королевской семье, и высокородные дамы развлекали себя сплетнями во внешнем холле.

– Все-таки откуда она взялась? – снова поинтересовалась леди Лавиния.

– Может, и правда ведьма? – забрав фужер с подноса, предположила маркиза Тонии.

Такой слух тоже был – столь же глупый, как и про призрак королевской сестры. Графиня фыркнула:

– Стелла, зачем ты повторяешь за этими сплетниками всякую чушь? Расскажи еще, что она явилась во дворец на черной колеснице, запряженной гигантскими пауками, как в этой сказке... Забыла.

Маркиза пожала плечами:

– Почему бы и нет? Всякое в жизни случается.

Графиня вместо ответа захохотала, и все ее круглое, мягкое тело затряслось, точно пудинг на подносе.

Маркиза поджала губы. Забавно было смотреть, как эти двое терпеть друг друга не могут, но изображают искреннюю дружбу.

Лавиния держала маркизу подле себя лишь по одной причине: леди Стелла была еще уродливее. Ее род славился крупными, выдающимися чертами лица, особенно нижней челю-

стью. Странно, как маркиза вообще умудрялась говорить при такой особенности, настолько кривой у нее был рот.

Но она была той еще болтушкой:

– Согласись, Лавиния, она появилась очень уж вовремя. Говорят, именно она исцелила Его Величество! А как ей удалось? Колдовство, не иначе.

– Или она привезла шамана с Большой Земли, – пробормотала графиня.

– Ты в это веришь? – ахнула маркиза. И тут же прикрыла рот черным веером, пряча свою челюсть. А может, испуг. Сообщения у нашего Острова с Большой Землей не было во многом из-за шаманов, которым приписывали едва ли не божественное всеисцеление и суровость. Все мы знали истории о их зверствах, а сорок восемь лет назад во время последней войны могли убедиться в их правдивости.

– Это чуть более вероятно, чем ее магическая суть, – хмыкнула графиня. – Сказки... Ах, смотри, это же Эстер!

И, отгеснив мужа в сторону, она поспешила к кругу пышно наряженных леди. Граф закатил глаза. Вид его сделался очень уморительным. «Господи, ну за что?» – кричало каждое его движение. Если подумать, нам с Раем было даже лучше, ведь нам за все это хотя бы платили.

Рай умудрился украдкой взять с подноса шампанское и кивнул мне, предлагая. Я отказался. До окончания вечера еще долго, а я слишком быстро пьянею.

Время тянулось нестерпимо. Пáтока разговоров, взмахи вееров, фальшивые улыбки. И повторяющееся отовсюду на разные лады имя принцессы: «Шериада».

Когда двери в тронный зал наконец открылись, всеобщее любопытство накалилось до предела. Если бы не строжайшие правила этикета, несчастных лакеев и церемониймейстера попросту растоптали бы. В задних рядах уже началась давка, но графиня не стала дожидаться, пока она дойдет до нас. Лавиния схватила мужа за локоть, кивнула нам и решительно пошла в сторону дверей.

Меня всегда удивляло, как она умудряется быть настолько проворной при ее чрезмерном весе.

– Мы первые приехали, – ворчала она, глядя, как перед ней выстраивается очередь. – Имеем право!

Конечно, куда больше прав имели те, кто выше по положению. Они и прошли в тронный зал первыми, а нам пришлось ждать еще полчаса, но за это время лакеи кое-как навели в зале порядок. Хотя, как по мне, для такого числа гостей впору было вызывать гвардейцев, а не слуг. Но все как-то устроилось.

Церемониал королевского приветствия чрезвычайно строг: подойти к трону не ближе чем на два метра, поклониться – графу и графине можно неглубоко, у спутников поклон, естественно, другой: мы же простолюдины и нам запрещено на короля даже смотреть. Далее – приблизиться (не больше чем на метр), если Его Величество пожелает. После обмена любезностями (при условии, что таковой последует) требуется снова поклониться: поклонов никогда не бывает много. А после – неспешно удалиться в соседний зал, где гостей ждет фуршет.

Думаю, не только мы в этот раз церемониал не соблюли. Графиня при подходе к трону споткнулась, мы с Раем еле успели ее подхватить. А граф неприлично громко фыркнул, не сдержав смех.

И это при том, что король удостоил нас лишь взмахом руки. Он был занят: говорил с племянницей. Она стояла, облокотившись на спинку его трона, и было ясно: ей дела нет до всех этих церемоний, чужого внимания и самого бала. На гостей она даже не смотрела, зато все взгляды, естественно, устремлялись к ней.

Принцесса Шериада злостно пренебрегла традициями. На ней было ярко-желтое, лимонное платье, красиво подчеркивавшее ее фигуру – а там было что подчеркнуть. Но желтое платье – когда весь двор и даже король с королевой одевались исключительно в черно-белое. Прин-

цесса могла привлечь внимание хотя бы этим – а еще отсутствием модного в этом сезоне турнюра. Длинные перчатки, хоть и были белыми, нисколько не спасали положение.

Вдобавок она была сказочно красива. Честно говоря, когда я смотрел на нее – хоть мне и не следовало, – даже я поверил, что она – ведьма из детской сказки. Люди не бывают такими... неземными. Она словно сияла, ее смех разносился по залу звонко и непривычно. Никто никогда прежде не смеялся на церемониях.

А еще она была копией той самой пропавшей королевской сестры. После этого бала ни у кого не осталось сомнений: Шериада действительно племянница короля. Но откуда же она взялась?

Было и еще одно нарушение этикета, на этот раз по моей вине. Дело в том, что, когда мы, поклонившись, уходили, я заметил, как принцесса Шериада, все так же смеясь, выпрямилась. И я вдруг поймал ее взгляд. В ее глазах смеха не было – только усталость. Как у рабов вроде меня или Рая... Я забылся и замер. Графине даже пришлось обернуться и шикнуть:

– Элвин!

Принцесса, будто тоже опомнившись, отвернулась.

Я поклонился на всякий случай еще раз и поспешил за госпожой.

Признаюсь, я думал, на этом все закончится. Принцесса не выглядела человеком, которому нравятся балы – скорее, она казалась затворницей. Спутник должен уметь замечать такие вещи, чтобы преуспеть. Я был уверен, она исчезнет после обязательной церемонии приветствия.

Но принцесса, наверное, любила поесть не меньше Лавинии. Графиня напала на ее след – точнее, заметила среди накрытых столов, когда Шериада с большим аппетитом одну за другой ела зефирные тарталетки. Не думаю, что она их хотя бы жевала.

Аристократы смотрели на нее, как на главное представление вечера. Подходить не спешили, но неотрывно наблюдали. Нужен был кто-то, кто сломал бы этот невидимый барьер отчуждения. Я даже не удивился, когда эту роль решила взять на себя Лавиния.

Она направилась к принцессе, ведя за собой нас с Раем, как ледокол – корабли, и улыбалась так широко, словно губы ей растянули искусственно. Жуткое зрелище. Когда леди Лавиния подошла к принцессе, та, вздрогнув, обернулась и закашлялась, и я хорошо понимаю ее.

– Ваше Высочество, – запела графиня. – Мы не были представлены...

– Лавиния Эштон, – отозвалась принцесса. – Конечно, я вас знаю. Моя кухня только о вас и говорит.

Лавиния застыла. Вряд ли ее удивили слова принцессы: Ее Высочество Элизабет часто удостаивала нас визитом. Полагаю, графиню (как и всех нас) сразил голос Шериады. Я упоминал, что ее внешность казалась неземной? Забудьте, в ее голосе магии куда больше. Он звучит так, словно заговорила сама музыка, и обволакивает, как терпкий мед. Услышав его впервые, совершенно все начинают зачарованно улыбаться, – позже я видел это сотни раз.

А тогда улыбались даже мы с Раем. Словно произошло что-то хорошее, уютное и теплое.

Принцесса терпеливо ждала и смотрела через плечо Лавинии на меня. Я не сразу заметил это – настолько зачаровал меня ее голос. А когда заметил, тоже замер. Это было странно: обычно я не теряюсь даже в присутствии королевских особ. За столько выходов я успел к ним привыкнуть. Но от принцессы веяло чем-то... Наверное, то же чувствовали наши предки, когда поклонялись Единому Богу. С тех пор только восклицание и осталось, а религия на Острове не в чести. Я о ней читал лишь в учебниках. Но чувство было оттуда – благоговейный трепет.

Очень странно...

– Ах, какое... удовольствие! – выдохнула, наконец, графиня, и я вздрогнул. – Право же, знать, что Ее Высочество льстит мне своим вниманием. – Лавиния заметила взгляд Шериады и повернулась ко мне. Я демонстративно опустил глаза. Шикнуть на Шериаду Лавиния не могла,

поэтому продолжила: – Принцесса, позвольте выразить мое восхищение. Вы так похожи на мать! Я знала ее, мы дружили еще детьми.

Насколько мне известно, эта дружба ограничивалась редкими встречами на детских балах.

– Мы так горевали, когда она неожиданно исчезла, – продолжала Лавиния. – Ваше Высочество?

Ей пришлось повторить это еще раз, и только тогда Шериада отвела от меня взгляд.

– А? Прощу меня простить, я все прослушала... Не ожидала увидеть здесь кого-то моего рода.

Лавиния нетерпеливо взмахнула веером:

– Вашего... рода, госпожа?

– О да. Вы, кажется, говорили о моей матери? Действительно, мы похожи.

– Просто чудо! – подхватила графиня. – Могу ли я поинтересоваться, как вышло...

Ей, конечно, очень хотелось бы узнать, где сейчас сестра короля и кто отец Шериады, но она не придумала, как сделать это тактично, и промолчала. Даже Лавиния иногда вспоминает про чувство такта.

Времени на размышления ей не дали. К нам танцующей походкой моряка или пьяницы – в его случае, конечно, последнее – шел Его Высочество принц-наследник Дамир. Он шел тяжело, качался на ногах и наконец оступися и врезался в стол.

Цветочные конструкции чудом выдержали, а вот пудинги поплыли и несколько бокалов опрокинулось, испачкав сюртук Его Высочества.

Принц пьяно хихикнул:

– Дамы...

– Ваше Высочество, – кокетливо закрылась веером графиня.

Принцесса открывать веер не стала, как и улыбаться такому поведению.

– Кузен, – отчеканила она, и ее сладкий голос вмиг сделался ровным и холодным.

Принц, казалось, моментально протрезвел и расплылся в улыбке:

– Кузи-и-на! У нас, знаешь ли, снова ба-а-ал. А я слышал, ты балы не любишь. Не представлял, что найду тебя zde...

– Что ты пил? – Ее голос стал еще холоднее.

– Вино, – отмахнулся принц. – Конечно, вино... А что, танцы уже?..

Принцесса подалась вперед и принялась. А потом, словно это было в порядке вещей, взяла принца за ухо и потащила его к комнатам отдыха.

– Ай, кузина, пусти! – стонал принц.

– Я говорила, – шипела она. – Узнаю, что ты снова был в этом притоне, – и я тебя высеку!

– Я принц, меня нельзя сечь! Кузина, пусти!

Их провожали изумленными взглядами. Леди закрывались веерами, пряча удивление. Кавалеры тихо переговаривались.

– Давно пора было это сделать, – пробормотал подошедший граф. – Видит бог, он пропьет наш Остров.

Графиня круто обернулась:

– Замолчи!

Объявили танцы. Я видел, как среди гостей мелькало желтое платье, но был слишком занят Лавинией.

«К концу службы точно останусь без ног», – думал я, когда к нам приблизилась еще одна принцесса. Ее Высочество Элизабет – та, что так часто навещала графиню. Лавиния всячески перед ней юлила: это был ее билет в круг близких для королевской семьи людей.

А Элизабет хотела, конечно, другого. Она перебила поток любезностей из уст Лавинии и с нетерпеливой улыбкой сказала:

– Вы не одолжите вашего спутника на вечер?

Я поймал насмешливый взгляд Рая.

– Ах, конечно! – улыбнулась Лавиния. – Для вас все что угодно, Ваше Высочество.

Принцесса протянула мне руку. Я поцеловал ее и повел Элизабет к танцующим. По дороге я говорил ей пошлейшие комплименты:

– Вы сегодня восхитительно выглядите, Ваше Высочество. Этот цвет невероятно подходит к вашим глазам...

Она кивала. С тем же успехом я мог и молчать: ей хватило бы одного взгляда на меня. Потом она затащит меня в одну из комнат для отдыха, запрет дверь и... Весь вечер я действительно проведу с ней.

Не знаю, что она во мне нашла. У принцессы было множество собственных спутников, но каждый прием она забирала меня у Лавинии. Каждый прием и каждый ее визит.

Мы почти не разговаривали. То есть я, конечно, говорил, и даже много. И комплименты ей нравились – я видел, как она краснела и оборачивалась на зеркало. Но она редко отвечала.

Проводить время с принцессой мне нравилось больше, чем с Лавинией. Она была... простовата, конечно. Но все же не напоминала масляный торт в парче. Угловатая девочка восемнадцати лет, невзрачная, молчаливая. Ей не шел белый цвет, приличный для аристократки. Она в нем выглядела невзрачно, но, конечно, соблюдала этикет.

И во время танца она не наступала мне на ноги.

Но, как я говорил, танцевали мы мало. Смотреть на меня Элизабет быстро уставала: ей хотелось вовсе не этого.

– Что, моя кузина тоже тебя заметила, Элвин? – сказала она некоторое время спустя, уводя меня все дальше от танцевального зала.

Я улыбнулся. Видно было: Элизабет предпочла бы, чтобы эта самая кузина никогда не появлялась.

– Правда, она похожа на мою тетю? Скажи ей об этом, и она тебя возненавидит...

Мы дошли до библиотеки, и мое сердце екнуло. Я с детства люблю книги. Но с тех пор, как поселился у Лавинии, я лишен возможности читать. За последние два года я прочитал хорошо если с десяток книг, да и те – модные новинки, только чтобы было что обсудить с госпожой. Но я по-прежнему не могу спокойно пройти мимо хорошей библиотеки. А королевская была не просто хорошей, а невероятной: книг здесь сотни, а может, и тысячи. Стеллажи упирались в потолки, и до верхних полок можно достать только с лестницы.

Принцесса потянула меня внутрь. Я еле сдержал вздох ужаса: только не здесь...

– Тут уютно, и уж точно никто не войдет. Сейчас найду ключ, – сказала Элизабет и, оставив меня у окна, подошла к двери.

Пахло старыми книгами. Я закрыл глаза и попытался представить, что все это неправда. Что я смотрю на происходящее со стороны. Иногда это помогало, но теперь – нет.

Я открыл глаза. Принцесса все еще искала ключ, а я, чтобы отвлечься, огляделся и...

У дивана неподалеку от окна лежала золотая подвеска. Наверное, кто-то из гостей ее обронил. Не знаю, как я ее заметил: света мы не зажигали и блеском она меня не привлекла бы. Нет, она как будто... звала. Это странное ощущение. Чем больше я смотрел, тем больше мне хотелось ее взять.

Ключ, наконец, щелкнул в замке, и я обернулся. Но Элизабет уже заметила мой взгляд.

– Что там? О... Надо же. Это кузины.

Она подошла и показала мне подвеску на вытянутой руке. Крупный опал в золотой оправе. Подвеска была очень простой и совсем непримечательной на первый взгляд. Однако, если приглядеться, камень казался живым. Вспыхивавшие в нем разноцветные искры не давали отвести взгляд.

– Держи, – принцесса протянула подвеску мне. – Вернешь ей, если захочешь. Или забери. Мне все равно.

Я нахмурился:

– Но, Ваше Высочество, почему вы решили...

– ...что это ее? – Элизабет была сегодня на удивление разговорчива. – Потому что у нее есть жуткая привычка его теребить. Она это убожество ко всем нарядам цепляет. Уставится на тебя, как сова, а сама его из рук не выпускает. А! Давай мы это, – она крутанула подвеску на пальце, – в окно выкинем? Тогда она ее точно не найдет.

Но мне почему-то не понравилась эта мысль, и я выхватил подвеску из рук принцессы еще до того, как она договорила, но тут же сам испугался своей дерзости – будто это сделал не я. Оказавшись у меня, подвеска словно прилипла к моей руке. Она была приятно теплой, мне не хотелось ее отдавать.

Я сам не заметил, как убрал ее в карман.

Элизабет фыркнула:

– Как хочешь.

Но пора было брать себя в руки и выполнять свою работу. Я приблизился и поцеловал Элизабет.

Что произошло дальше, помню смутно. То есть все как обычно: податливая девушка у меня в руках, а я пытаюсь представить, что все происходит по моей воле – что мы влюблены и нам обоим это приятно.

А потом мы вдруг услышали, как поворачивается в замке ключ.

Элизабет замерла в моих руках, уставившись на дверь и широко раскрыв глаза.

Дверь медленно открылась, и в библиотеку вошел принц. И, к сожалению, не один. Компанию на таких вечерах ему часто составляли богатые отпрыски аристократов. Развлечение влекло их, наверное, даже сильнее желания поддержать дружбу с Его Высочеством, что могло бы быть для них полезным активом на будущее.

– Мы бросим жребий, – говорил принц, его язык слегка заплетался. – И тогда узнаем, на ком испробовать мою задумку, чтобы все было честно...

Пока он говорил, стоя лицом к входящим, его друзья смотрели на нас с принцессой. Элизабет торопливо потянулась за одеждой.

– Дамир! – Она пыталась говорить грозно, но ее голос дрожал. – Найди себе другую комнату для развлечений!

– Зачем? – удивился принц. – Мне эта нравится.

Потом он уставился на меня. Я уже поправил сорочку и думал, стоит ли поклониться.

– Ага! – воскликнул принц. – А вот и наш добровольец. Ты! Как там тебя... иди сюда. Вит, давай сюда... этот... ну, образец...

Принцесса побледнела. У меня же сердце в пятки ушло. Все королевство знало о страсти принца к тяжелым наркотикам. Что это был за образец, я догадывался.

Элизабет попыталась заступить брату путь:

– Дамир, ты что? Не смей!..

Но тот не дослушал ее и ударил – видимо, не рассчитав силу. Элизабет упала, а принц пьяно рассмеялся:

– Думай, с кем говоришь, сестренка. Я смею абсолютно все. И сейчас я хочу посмотреть, как действует мое новое веселящее средство... Спутник, ну же.

Меня обступили его друзья, кто-то схватил за руку. Я не мог пошевелиться от ужаса. Слухи про принца ходили красочные и, к сожалению, правдивые: после одного такого «испытания» младший сын какого-то разбогатевшего торговца погиб, не дождавшись помощи. Какими бывают наркотики, я знал отлично: Рай ими баловался. Меня же сбивает с ног даже бокал шампанского. Любой наркотик, даже самый легкий, меня просто убьет.

– Да не бледней ты так! – пьяно улыбался принц. – Это все ради науки!

Его друзья тоже что-то говорили: я слышал гул их голосов, но словно сквозь вату. Всхлипывала принцесса, смеялся принц... И тут случилось нечто неожиданное.

Подвеска в кармане потяжелела и нагрелась, а мне вдруг стало спокойно и легко, я даже решил было, что наркотик уже подействовал. На мгновение мне почудилась золотая нить, протянувшаяся к моей руке.

Потом кто-то ахнул, вскрикнул, и меня отпустили.

– Нет, ну что за криворукие! – выдохнул принц. – Кто разбил? Отвечайте!

Все молчали.

– Ладно... Кто пойдет за новой дозой?

Перед глазами плыло, я не мог стоять на ногах и держался за подлокотник дивана, пытаюсь справиться с внезапной слабостью, и даже не заметил, как они ушли.

– Пойдем, пойдем отсюда, – шептала принцесса, стоя рядом и зачем-то глядя мои плечи. – Он скоро вернется. Пойдем, ну же...

Через пару минут мы были в танцевальной зале. Посмотрев на меня, графиня заметила мое состояние и отправила дожидаться в карете. Меня все еще трясло.

Рука сама потянулась к карману. Подвеска обжигала.

Сейчас, вспоминая, я не понимаю, почему меня это не испугало. Я был сам не свой весь вечер. Не помню даже, как закончился бал и как мы вернулись в резиденцию Эштон. Меня к тому времени уже сильно мучило, начался жар, рука сама тянулась коснуться спрятанной в карман подвески.

– Расслабься, Лавиния уже знает об истории с принцем, – говорил Рай, помогая мне раздеться. – Что он тебе дал? Он сказал?

Вынуть руку из кармана с подвеской было больно, я даже пытался сопротивляться, но сил не осталось.

– Ничего не...

– Ну да, поэтому тебе так похорошело. Ладно, скажи хоть, какого оно было цвета?

Я попытался вспомнить цвет жидкости «образца», но не смог. Все мысли были о подвеске, оставшейся в кармане сюртука, который Рай уже повесил в шкаф.

– Ясно все с тобой. Ложись.

Рай отправился за аптечкой. Посылать за семейным врачом ради спутника никто бы не стал, поэтому, если кому-то из нас случалось болеть, лечились мы сами. Основами первой помощи каждый из нас владел отлично. А Рай к тому же, как я и говорил, немного разбирался в наркотиках.

Стоило ему уйти, я бросился к сюртуку. Как только подвеска оказалась в руке, мне тут же стало легче. Впрочем, не настолько, чтобы можно было сказать, что я здоров. Но осталась лишь слабость.

Когда Рай вернулся, я уже спал, и он не стал меня будить.

И забылось бы все, потому что это мелочь; если честно, на балах и не такое случается. Как я говорил, иногда люди на них умирают.

На этом, однако, все не кончилось.

На часах было пять утра, когда в резиденцию Эштон ворвались королевские гвардейцы.

Перепугали всех: и хозяев, и домашних слуг. Нас подняли и в одних ночных сорочках выставили во двор. Объяснение, конечно, было короткое: «Приказ Его Величества».

Я не успел толком проснуться, и Рай поддерживал меня за плечо, а капитан гвардейцев прохаживался мимо шеренги слуг и всматривался в наши заспанные лица.

Я даже не слишком удивился, когда он остановился напротив нас, нахмурился, словно размышляя... И указал на меня:

– Взять его.

Гвардейцы тут же оттеснили Рая, а выкатившаяся на крыльцо сонная графиня ахнула:
– Куда? Как вы смее! Он мой спутник!

– Приказ Его Величества, – отозвался капитан.

Уже в карете с забранными решеткой окнами я понял, что подвеска все еще у меня в руке и она снова нагрелась.

Мне очень хотелось спать, и я плохо соображал, что происходит. А происходило следующее: меня доставили прямоком в королевский дворец – не в главное здание, а в один из гостевых особняков. Кажется, раньше он принадлежал какой-то фаворитке, имя которой я уже не помню.

Меня привезли в одной сорочке, босиком протащили сначала по двору, потом – через вычурный пустой холл, далее по парадной лестнице на третий этаж, пока не втолкнули в небольшую комнату с плотно зашторенными окнами, освещенную единственной свечой. Тени плясали по стенам и потолку, пахло деревом и благовониями. Я лежал на мягком ковре и думал, что надо бы встать. Подвеска в моей руке стала быстро остывать.

Скрипело перо, и шелестела бумага: кто-то писал что-то и перелистывал страницы.

С трудом, но я поднялся. Встать бы не вышло – голова кружилась, комната плыла перед глазами. Но я смог хотя бы сесть.

За массивным дубовым столом сидела принцесса Шериада и, закусив губу, что-то сосредоточенно писала. На меня она не обращала ни малейшего внимания.

Я попытался вспомнить, как себя вести. Королевский протокол не указывал, что делать, если тебя по приказу подняли посреди ночи и притащили в комнату племянницы короля.

Конечно, это незаконно... Наверное. Лавиния могла бы подать жалобу в королевский суд, ее бы удовлетворили... Недели через две. У меня же прав не было никаких. Спутник – фактически чужая собственность. А слово принцессы, конечно, весомее слова графини.

– У тебя. Моя. Вещь, – не поднимая взгляда, отдельно произнесла Шериада, и меня снова пробрала дрожь от ее голоса. – Отдай.

Я попытался поклониться:

– Ваше Высочество...

Пламя свечи задрожало. Уверен, принцесса продолжала писать, а какая-то невидимая сила вдруг сдавила мне горло и подняла меня над полом. Я висел в воздухе, не в силах пошевелиться, и думал: ну, это точно сон. Этого не может быть.

Но следом пришла боль – такая, словно все мои внутренности разом скрутили, как прачка, отжимающая белье. Я слышал собственный хрип – сил не было даже кричать. Я задыхался.

Потом меня с размаху бросили обратно на пол.

Кое-как протолкнув в легкие воздух, я поднял голову. Принцесса скучающе смотрела на меня:

– Что, у магов здесь в порядке вещей пользоваться чужими артефактами?

Я вдруг почувствовал, что подвеска все еще у меня в руке. Она была совершенно холодной.

– Отдай, – повторила принцесса.

Я смотрел на нее, не в силах ответить и пошевелиться.

И все повторилось. Только на этот раз дольше – по крайней мере, так мне казалось.

Когда я вновь рухнул на пол, то не мог шевелиться от усталости.

Подвеска словно приклеилась к руке. Я в ужасе смотрел на нее сквозь слезы.

– Да отдай же ты ее, мальчишка! – Принцесса склонилась надо мной: – У меня нет сейчас настроения убивать. Ну же.

Я увидел, как она протянула руку, и прохрипел:

– Не... могу.

Ее глаза сверкнули золотом, а я испугался, что сейчас все повторится, и, собрав последние силы, сумел прошептать:

– Не надо.

Она услышала и нахмурилась:

– Так отдай, и я тебя отпущу.

Я попытался сбросить с руки подвеску – с каждой секундой силы ко мне возвращались, и это было странно.

Подвеска никак не отставала от моей ладони.

Помню, как сидел на ковре, тряс рукой, а Шериада склонилась надо мной в голубом шелковом халате, очень похожая на фарфоровую куклу. И смотрела на мою руку почти с ужасом.

– Но... ты же... Да нет, ты ею пользовался! – выдохнула она, садясь рядом. – Ты колдовал сегодня, я же чувствую!

Забыв про протокол, я уставился на нее, по-прежнему пытаюсь избавиться от подвески.

– Да ладно! – наконец произнесла Шериада, вдоволь на меня насмотревшись. – Ты же... ты же не хочешь сказать, что у тебя это впервые?

К тому моменту мне настолько полегчало, что я вспомнил про манеры.

– Что, Ваше Высочество?

– Колдовство, конечно!

Я подумал, она шутит. Хотя после того, что произошло, какие шутки!

– Колдо... Ваше Высочество, я не понимаю.

«Я тоже», – было написано у нее на лице.

– Да нет. Не может быть! – пробормотала она. И потянулась ко мне.

Огромным усилием воли я заставил себя не отпрянуть. И невольно заметил: на ее руках были перчатки. Странно для домашнего костюма.

Тем временем она коснулась моего лба – легко, почти невесомо. И тут же отпрянула.

– Я не... – Ее голос снова изменился. Он больше не пугал, но и не очаровывал. Он звенел от вины, и мне даже стало ее на мгновение жаль. – Я... – снова выдохнула она. И покраснела. Я испугался, что ей станет плохо.

Но она уже отвернулась, а потом встала. Прошла к столу, зачем-то постучала по нему. Потом взяла пустой бокал, налила воды и, наклонившись, достала из ящика прозрачный флакон. Помню, как подумал: принцесса, наверное, тоже уважает – как говорил принц? – веселящие средства.

Она вылила пару капель из флакона в воду. Комната наполнилась свежим запахом мяты.

Подумав, принцесса добавила еще две капли. Потом, подойдя, наклонилась надо мной и протянула бокал:

– Пей.

– Ваше Высочество, мне нельзя, – выдавил я.

– Можно. И нужно. Это лекарство. Пей, – терпеливо повторила она. – Ну же, не бойся.

Ее голос в который раз поменялся: теперь он согревал и успокаивал, словно теплое одеяло. Я невольно расслабился и чуть не выронил бокал. Принцесса его придержала. И внимательно следила, как я пью – до дна.

Потом она выпрямилась, забрала бокал и подала мне руку. Просто, как будто между нами не было никакой разницы.

– Вставай.

Я поднялся, и она отвела меня к креслу для посетителей.

– Садись. Немного будет кружиться голова, но это скоро пройдет.

Кресло было таким удобным, что я, забывшись, закрыл глаза.

– Погоди спать. – В голосе принцессы мне послышалась улыбка. Я открыл глаза. Шериада действительно улыбалась. – Ты еще не выслушал мои извинения.

Она отошла к стене, остановилась перед таким же креслом и серьезно заговорила:

– Прости меня, пожалуйста. Мне в голову не могло прийти, что маг с такой мощной силой понятия не имеет... – Она поймала мой растерянный взгляд, коротко улыбнувшись. И вдруг поклонилась. Низко, как спутники кланяются королю.

«Что она от меня хочет?» – билось в голове.

Я протянул ей руку с подвеской. Украшение (или, как она сказала, артефакт) на этот раз скользнуло на пол совершенно легко. Мы оба проследили за тем, как оно катится по ковру.

Потом Шериада выпрямилась. Протянула руку – и подвеска взлетела к ней.

– Эта тебе не подойдет, – пробормотала принцесса. – Я вижу, ты к ней уже привязался. – Она посмотрела на меня и снова закусил губу. – Но нет, тебе нужна другая.

Вдруг она щелкнула пальцами, и на столе появилась (из воздуха, честное слово!) резная деревянная шкатулка. Открыв крышку, принцесса стала изучать содержимое. Золотая подвеска с опалом тем временем мигнула и... пропала.

– Я сплю? – выдохнул я, оглядываясь.

– Ты знаешь, ровно то же самое, слово в слово, сказал мой дядя, когда я... – Принцесса вытащила из шкатулки черный шнурок и маленький футляр. В футляре оказалась другая подвеска – серебряная с ониксом. Принцесса стала закреплять ее на шнурке. – Сказал дядя, когда я появилась в его спальне. Так что, возможно, это ваша естественная реакция на магию. Хотя... Дамир, когда меня впервые увидел, просто послал.

– Куда? – вырвалось у меня. От усталости я плохо соображал, а то бы рассмеялся. Магия! Она что, шутит? На Большой Земле были шаманы, но у нас, на Острове, в магию верят только глупцы и дети. Это же просто смешно!

Принцесса усмехнулась:

– Далеко. Очень. Наверное, не стоило его холодной водой из ведра обливать. А может, и стоило – холодная ванна утром прекрасно закаляет и тело, и волю... Готово.

Она подала мне подвеску. Я молчал и продолжал непонимающе смотреть на нее.

– Бери же.

Если золотая подвеска шептала, то эта как будто пела. От нее... Как бы сказать?... Исходила энергия Шериады.

– Бери, – повторила принцесса. – Ты сейчас будешь притягивать нежить, как магнит. А может, и еще кого похуже. От нежити это отличная защита, а кто похуже почувствует мой отпечаток и не рискнет связываться. Бери! – прикрикнула она в нетерпении.

Я вздрогнул от неожиданности. Подвеска упала мне в руки, и под пристальным взглядом принцессы я надел ее на шею.

– Замечательно, – улыбнулась Шериада. – Не снимай никогда. Она станет невидимой, если будет мешать... Тебе лучше?

– Да, Ваше Высочество. – Я еще чувствовал слабость, но не более того.

– Я подняла тебя с постели. – Принцесса вздохнула: – Конечно. Тебе надо выспаться. – Она потянулась за колокольчиком для слуг, но вдруг замерла. Она обернулась и снова осмотрела меня с ног до головы. Я почему-то подумал, что моей красотой она сейчас вряд ли восхищается. Сомневаюсь, что я был красив в пять утра, после того... Чем бы это ни было.

– Как тебя зовут?

Я поднял взгляд:

– Элвин, Ваше Высочество.

Она кивнула. И зачем-то сказала:

– Шериада. Думаю, вреда не будет, если ты будешь звать меня так. Отдохни сейчас у меня, а днем тебя отвезут обратно к графине. Потом я сама тебя найду. – Она слабо улыбнулась: – Еще раз прости. Если бы я знала, я бы никогда... И не колдуй больше.

– Да, Ваше Высочество, – на всякий случай отозвался я.

Она усмехнулась и позвонила в колокольчик.

Я ожидал, что снова явятся гвардейцы и отведут меня в тюрьму. Я действительно забрал – по чести говоря, украл – вещь, принадлежавшую принцессе. Об этом стало известно, и это нельзя было оставить просто так.

Но в дверях появился не капитан, а, судя по ливрее, дворецкий.

Принцесса кивнула на меня:

– Итан, проводи, пожалуйста, господина Элвина в гостевую комнату и проследи, чтобы ему было удобно.

Дворецкий удивленно смотрел на меня. Уверен, он понял, кто я. Я и сам не мог прийти в себя от изумления. Таких, как я, не называют господами. Это, наверное, шутка?

– Господин Элвин – мой дорогой гость, – добавила принцесса, и в ее голосе послышалась твердость. – Я буду очень разочарована, если узнаю, что ему здесь было плохо.

Взгляд дворецкого тут же изменился.

– Конечно, мадам. Все будет исполнено.

И он поклонился мне, будто я равен ей.

Сил удивляться не осталось.

Никакой тюрьмы в самом деле не оказалось: меня отвели в роскошную спальню. Я решил было, что она принадлежит самой принцессе, но ничего женского в ней не было. Даже туалетный столик отсутствовал. Зато была прекрасная ванная, а на кровати меня дожидалась новая ночная сорочка.

Я очень устал и боялся, что будет нехорошо, если принцесса захочет прийти, а я буду спать. Но стоило мне лечь и прикрыть глаза, как меня объял такой крепкий сон, что до полудня я проспал как убитый.

Если принцесса и приходила, то ничем свое недовольство не выказала.

Проснулся я к полудню совершенно здоровым. Пожалуй, никогда не чувствовал себя лучше. После завтрака мне принесли новую одежду – еще лучше той, что я носил у графини, и сказали, что карета уже готова. Не та, с решетками на окнах, на которой меня привезли сюда, а парадная, королевская. Принцесса, очевидно, любила причуды.

Я ехал в поместье Эштон и думал, что же рассказать госпоже. Добром это не кончится – ясно и так. Принцесса мной заинтересовалась, и визитами, как Элизабет, она не ограничится: не того поля ягода. С графиней у меня был шанс дожить до двадцати пяти. А во дворце, под боком у помешанного на алхимии принца, – вряд ли. К тому же и Шериада меня пугала. Я не мог понять, что из ночного «приключения» было сном, а что – реальностью. Но точно знал: оно еще не закончилось.

Глава 2

Выходных у спутника не бывает: мы трудимся не покладая рук, рабочий график у нас ненормированный. Проще говоря, как повезет: может и весь день выдаться свободным – особенно если таких, как ты, у госпожи много. Лавиния была капризна и требовательна, поэтому везло редко.

Но когда я прибыл в поместье, графиня уже успела отправиться к герцогине Алден – естественно, обсудить последние сплетни о принцессе Шериаде. Можно было отдохнуть. Я ожидал, что по возвращении Лавиния устроит мне допрос с пристрастием, и как следует приготовился. Еще я был уверен, что в отличие от дня ночь выдаться трудной: делиться Лавиния ненавидела, а в этот раз ей пришлось отдать меня сначала одной принцессе, а почти сразу после – другой. Графиня захочет напомнить, кто тут госпожа, – она это делала после каждого визита к Элизабет.

Но я снова ошибся. Лавиния явилась домой рано, еще до заката, – и совсем пьяная. Рай самоотверженно тащил ее на себе от кареты до спальни, а потом жаловался:

– У этой фифы, – так он называл герцогиню, – подавали пирожные с ликером. Так наша свинья нажралась до поросячьего визга, а потом еще абсента себе плеснула. Герцогиня же пьет, а чем мы хуже? Затем начались танцы, и эта идиотка полезла на стол. Шест, говорит, мне давайте, я покажу вам, как нужно развлекаться. Ты бы видел, это было ужасно! Я ее со стола насилиу стащил. – Рай фыркнул, и я рассмеялся.

Здоровое тело у аристократок вошло в моду год назад (вместе с турнюром – уж не знаю, как одно связано с другим). И дамы дружно потянулись заниматься спортом, причем особенно популярностью пользовались танцы. Кто-то вспомнил про древние, еще до Потопа, народные пляски, в том числе про танец живота. А позже стал популярным шест. Столичные

танцовщицы, которых раньше приглашали разве что в кабаре, внезапно сделались безумно популярными. Одна такая давала Лавинии уроки, а нас с Раем использовала в качестве благодарных зрителей. Самым трудным было сдержать смех во время этих уроков. Нам удавалось, и Лавиния искренне считала, что у нее отлично получается.

– Я думал, этот несчастный стол вот-вот треснет, – продолжал Рай. – Уверен, к герцогине мы в ближайшее время точно не поедем.

– И слава богу.

Да уж, леди Алден любила вечеринки «погорячее». Проще говоря, оргии. Возвращаясь выжатый как лимон, так еще и за пьяной госпожой приходится ухаживать. Удовольствие то еще.

Однако на этот раз обошлось: еще был вечер, а Лавиния уже спала в своей спальне, и до утра мы с Раем ей вряд ли понадобится, а если повезет, то и до следующего вечера. Ликер с абсентом... Похмелье будет мучительным.

Поэтому с расспросами о принцессе ко мне пристал Рай.

– Колись, – начал он за ужином. – Какая она? Ха, ты бы слышал, как ей сегодня косточки перемывали. Наши дамы поголовно уверены, что она ведьма. Потому что только ведьма может так выглядеть. Ну, или реакционерка.

Я удивился. Реакционерами называли противников монархии, время от времени они учиняли в столице и провинции беспорядки. Их ловили, пойманных показательно вешали, но реакционеры не сдавались.

– Почему? Она же из королевской семьи.

Рай хохотнул:

– Ты что! Она же надела цветное платье. Ну точно реакционерка. А то и кто похуже. Преступление страшнее для наших красавиц и придумать сложно. Но рассказывай давай, какая она? Если серьезно, зачем она тебя вызывала? Да еще и со стражей? Любит пафос?

Я рассказал, как нашел подвеску, не успел отдать на балу, а принцесса горела желанием ее вернуть. Все странные моменты, казавшиеся мне теперь сном – вроде появившейся из воздуха шкатулки, – я опустил.

– Слушай, за такое и казнить могут, – помрачнел Рай. – Ты с ума сошел? Зачем вообще взял? Ты же знаешь правила...

Я вздохнул, не зная, что ответить.

– Так вышло.

Рай покачал головой:

– Эл, друг мой... Учти, я без тебя тут свихнусь. Поаккуратнее, ладно?

Я промолчал. То же самое я мог сказать и про него. У всех нас свои слабости. Правда, раньше чужие украшения меня не привлекали. Я до сих пор не мог ответить, что на меня тогда нашло.

– Ну хорошо, – продолжал Рай. – И? Тебя отправили в темницу? Давай предположу: она сама явилась на допрос и справедливо решила, что такой красоте нельзя пропадать зря? А потом ты оказался настолько хорош, что она тебя в королевской карете домой вернула? Королевской, Эл! Лавиния съест все свои перстни за возможность на ней прокатиться!

Я представил и рассмеялся. А ведь и правда съест.

– Ну? – поторопил Рай. – Давай, с подробностями.

– Если честно, я мало что помню. – Я уже и сам сомневался, что прошлой ночью ничего не было. Воображение услужливо подсовывало мне картинки одна другой интереснее. Чем-то ведь Шериада меня опоила. Что, если потом... Я просто не запомнил? Это было бы правдивее гостевой спальни. И «дорогого гостя».

– А-а-а... – протянул Рай, изучив мое лицо. – Что, она как принц? Увлекается алхимией?

Я пожал плечами:

– Не знаю, Рай. Что-то она мне и правда дала. Я... действительно ничего не помню. Но... Оно пахло мятой.

– Мятой? – Рай задумался. – Да так, что ты потом как огурчик? Хм...

Мы замолчали. Я налил себе еще кофе и с сожалением отказался от добавки утиной грудки. Толстеть мне нельзя... Мы прикатали из полупустой кухни (главное, знать, когда повар отпускает кухарок и сам отправляется отдыхать) сервировочный стол с остатками господской еды. Это было, наверное, против правил, но покормить нас господа вечно забывали. В этот раз нам повезло: нашелся даже десерт – ягодное желе, огромная редкость посреди зимы. Правда, мало, и я чувствовал, что за него мы с Раем еще сцепимся.

– Ладно, – Рай тоже потянулся за кофейником. – А спутники у нее уже есть? Не видел? Я покачал головой.

– Тебя только на разведку посылать, – вздохнул Рай. – Скажи, как это у тебя получается? Что ты с этими принцессами делаешь? Сначала одна, теперь вторая. Нет, серьезно, *что* ты делаешь?

– Если бы я знал! – воскликнул я и мысленно продолжил: «Не делал бы...» Было бы легче служить одной только Лавинии.

– Ты бы мне сказал, – с улыбкой закончил Рай. – Потому что я тоже не против оказаться во дворце и...

Его перебил стук. Во входную дверь, ведущую во двор для прислуги, кто-то настойчиво колотил.

Мы замерли.

– А что, новая экономка еще не спит? – недовольно поинтересовался Рай.

Я попытался встать, но мне мешал стоящий в проходе между нашими кроватями столик – его пришлось бы выкатывать к двери, чтобы мне было куда поставить ноги.

Рай вздохнул:

– Сиди, я открою.

Экономка у нас сменилась недавно. Уж не знаю, за что Лавиния разжаловала предыдущую, но та хотя бы закрывала глаза на наши вечерние походы на кухню. Новая была моложе и то ли слишком ревностно относилась к своей работе, то ли таким образом хотела получить от нас с Раем бесплатное внимание. Раза два она нас уже отчитала и пообещала пожаловаться госпоже. Если она решила, что мы испугаемся и теперь будем покорно ложиться спать голодными, то она очень, очень ошиблась.

– Да пожалуйста, – фыркнул в тот раз Рай. А потом добавил, когда она ушла: – Будут еще всякие подхалимы указывать, что мне делать.

Как по мне, надо было с ней помягче. Но Рай не привык сдерживаться.

– Ага, а потом станешь ее подстилкой. Я знаю таких – на шею сядут и ноги свесят. Даже не думай!

Сейчас он шел открывать, и было ясно: вот-вот разгорится новый скандал. Я приготовился их успокаивать. Такие уж мы с Раем: он порывист, а я сдержан. По крайней мере, так говорит Лавиния, рассказывая, за что она нас любит. За это – и за все остальное, естественно.

В дверь постучали громче.

– Уже бегу, – проворчал Рай, пробираясь между своей кроватью и столиком. – Что, неймется? Да?

Он повозился с защелкой и приоткрыл дверь. В комнату тут же ворвался ветер и бросил мне в лицо крупные снежинки: снаружи всюду завывала метель. Я думал, хотя бы из-за нее Рай все-таки пригласит экономку в комнату, но он почему-то медлил. И смотрел так, словно за дверью стоял по меньшей мере демон из сказок – тот самый, который приходит к непослушным детям в канун Нового года.

Я привычно пригладил одежду. Неужели экономка привела с собой дворецкого для вящего устрашения?

Но тут из-за двери раздался знакомый чарующий голос:

– Милый юноша,пусти бедную замерзшую девушку в дом. Здесь очень холодно.

Я замер на месте. А Рай наконец с поклоном отошел – и принцесса перешагнула порог. Она деловито стряхнула снег, не дожидаясь помощи, сняла теплый плащ, под которым на ней оказался мужской костюм.

Помню, как подумал тогда: у нее есть хоть какое-то понимание о приличиях? Мужская одежда на женщине? Помилуйте!

Словно не замечая нашего изумления, принцесса протянула Раю здоровенную коробку. И широко улыбнулась. Так, наверное, кошка мышам улыбается, прежде чем их съесть.

– Я прошу прощения, что явилась без приглашения. – Принцесса, как фокусник, подняла крышку коробки. – Но! Я с гостинцем. Вот.

В коробке оказался торт. Он дивно напоминал Лавинию в ее лучших платьях.

– Э-э-э... Спасибо, – очнувшись, пробормотал Рай.

Принцесса одарила его лучистой улыбкой и добила:

– Я сама пекла.

У Рая дернулся глаз.

– Прелестно, – выдохнул он, озираясь. Такую огромную коробку можно было поставить разве что на пол: на столике для нее места не было.

Принцесса тоже огляделась. И просияла:

– О! Так я к ужину. Можно?

Не дожидаясь приглашения, она схватила желе. Мы смотрели, как она его жует – с таким невинным видом, словно ничего странного не происходит. Потом Рай, не выдержав, расхохотался. Принцесса вытерла губы и снова улыбнулась:

– А что, брюки у вас женщины не носят? Вы так на меня посмотрели, когда я вошла, как будто я в неглиже явилась.

«В неглиже было бы пристойней», – чуть не ляпнул я.

Рай тоже сумел сдержаться.

– Нет, Ваше Высочество, – ответил он. – Не носят.

Шериада вздохнула. Оглядела себя – от синей сорочки до вышитых алой нитью брюк, под которыми начинались кожаные сапоги с острым носом и серебряными каблуками. Перевела взгляд на наши с Раем босые ноги.

– Бездна, где мои манеры...

Вернулась к порогу и стала разуваться.

«Бездна» – тогда я решил, что это варварское слово. На Острове могли чертыхаться и по привычке взывать к богу – всегда одному. Шериада, конечно, привыкла к другому.

Рай выразительно посмотрел на меня, надеясь найти объяснение происходящему, но я только покачал головой.

– Госпожа, – сказал тогда Рай. – А может, вы заблудились?

Принцесса тем временем прыгала на одной ноге, пытаясь стащить второй сапог.

– Что, настолько? – фыркнула она. – То есть я, конечно, могу промахнуться и попасть не в тот мир. Это бывает, увы, часто. Но парадную дверь от черного входа отличить – на это... даже... уф!.. Я способна. Не-е-ет, я шла именно к вам. То есть к нему, – она указала на меня. – Добрый вечер, Элвин. Я обещала, что найду тебя. Ну и вот. Нашла.

Рай снова посмотрел на меня. Я, наверное, пялился на торт и не мог подобрать ответ, потому что Рай продолжил:

– Ваше Высочество, если вы хотите одолжить спутника, вам необходимо обратиться к его госпоже. Если пожелаете, я позову лакея, и он проводит вас к ее светлости...

– Не пожелаю. – Шериада подула на руки. – Как-то у вас тут холодно... Так вот, во-первых, Лавиния сейчас спит без задних ног. Во-вторых, я поняла: Элвин, я испугала тебя вчера утром. Я, конечно, извинилась, но это вряд ли тебя успокоило, да? Значит, надо беседовать на твоей территории. Что, зря я с тортом явилась, что ли? Он – этот... Как это по-вашему? Залог моих добрых намерений. Вот. А можно мне кофейку? Да ты садись, молодой человек. Как тебя зовут?

– Раймонд, госпожа.

– Очень приятно, я Шериада. Благодарю. – Она забрала чашку с кофе, огляделась и устроилась на краешке кровати Рая. – Раймонд, садись, пожалуйста. Я ваша гостья, и мы не во дворце. Не нужно церемоний.

Рай пожал плечами и принялся резать торт.

– Как скажете, Ваше Высочество.

Принцесса снова посмотрела на меня.

– Ты выглядишь лучше, чем вчера. Элвин, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, госпожа, – выдал я.

Она действительно меня пугала. Что ей нужно? Почему не приехала с визитом к госпоже, как Элизабет? Я бы понял даже королевских гвардейцев, но эта фамильярность, как будто мы равные, – она только напоминала о нашем различии и унижала.

Шериада склонила голову набок и прищурилась:

– Хорошо. Но магический фон у тебя штормит. Я настолько тебе противна?

Рай чуть не выронил нож, а я открыл рот, но не смог ответить: голос от удивления снова отнялся.

– Госпожа, мы просто изумлены, – попытался объяснить Рай. – У нас никогда не было таких... высоких гостей. Простите, Ваше Высочество, я не имел в виду, что...

– Я понимаю, – перебила принцесса. – Но, честно говоря, я и на такой визит еле время выкроила, да и в голову мне больше ничего не пришло. Я думала, как сказать, это же такое... событие. – Она покосилась на Рая и, помолчав, объявила: – Элвин, ты волшебник.

Повисла тишина.

Я почувствовал нарастающую злость. Да что такое! Сначала поднимает меня посреди ночи и волочет во дворец из-за какой-то подвески, потом заявляется в мою комнату, как к себе домой, – а здесь даже Лавиния не была! – и неизвестно что из себя строит. Какой еще волшебник? Она за ребенка меня принимает или за глупца? Или это какая-то игра? Допустим, верно последнее. Но тогда... «Не понимаю, – думал я. – Если так нейдет, сделай все по правилам! Даже для принцесс они существуют. Попроси разрешение графини... Да купи меня наконец! Зачем этот фарс?! Принцессы не разговаривают так запросто со спутниками. Принцессы не делают вид, будто мы с ними на одной ноге. Принцессы, наконец, не несут всякий вздор! Я что, настолько для нее глуп, раз она может унижать меня подобным образом? Неужели она думает, я не понимаю, какая между нами пропасть?»

В глазах Рая было написано только: «Сумасшедшая!»

Шериада как ни в чем не бывало потянулась за куском принесенного торта. И сама же себя поправила:

– Надо больше ванили. И тмина. Хм, ваниль и тмин... Не перебьют ли они вкус друг друга?..

– А-а-а, – первым пришел в себя Рай и улыбнулся откровенно фальшиво. – Ваше Высочество имели в виду, что Элвин так невероятен в постели...

– Мое высочество имело в виду, что он – волшебник. То есть способен колдовать. А конкретно – покорять демонов. – Сказав эту чушь, Шериада церемонно поставила чашку на столик. – А про постель я ничего не знаю. Но могу предположить: демонологи обычно о-о-очень горячие. Неудивительно: пообщаешься с лисами-оборотнями, а они те еще вертихвос...

– Прекратите, – выдохнул я.

Шериада тут же замолчала.

Снова повисла тишина.

Принцесса ела торт и смотрела на меня. Рай переводил взгляд с меня на нее и, похоже, впервые в жизни не знал, что сказать.

– Понимаю, – произнесла наконец Шериада. – Тебе нужно привыкнуть к этой мысли. Когда мне такое сказали, я в обморок упала. Правда, мне тогда было одиннадцать. Между прочим, сколько тебе лет?

– Двадцать, – не задумываясь ответил я.

Она удивилась. Все удивляются – потому я и думал, что доживу до двадцати пяти, а то и до тридцати. Я довольно молодо выгляжу.

– О! – выдохнула Шериада. – И что, у тебя... вчера... был... эм... первый раз? Колдовство, я имею в виду. Вещи рядом с тобой раньше никогда не взрывались? Или хотя бы не бились?

Я медленно покачал головой, пытаюсь взять себя в руки. Мне надоела эта игра. И я все меньше считал нужным сдерживаться. Да, она принцесса. Да, я всего лишь спутник. Но не ручная собачка, перед которой можно забыть о приличиях. А она – не моя госпожа и не имеет права надо мной так издеваться! Ну какая еще магия! Мы же цивилизованные люди, а не варвары с Большой Земли с их кровавыми обрядами.

Рай наблюдал за мной и наверняка все понял. Он снова попытался вмешаться:

– Ваше Высочество, рядом со мной тоже тарелки иногда бьются...

Шериада покачала головой:

– Ты не маг. А он – да. Странно, право же. Ты наверняка очень хорош в щитах, Элвин, если до двадцати умудрился жить, словно...

Больше у меня не было сил. Я вскочил, оттолкнув столик, и он со скрипом отлетел к дверям.

– Ваше Высочество, что вам от меня нужно?

Она удивленно посмотрела в ответ:

– Учить тебя, разумеется. Что же еще?

– Учи... – Я сжал кулаки. Рай тоже вскочил, попытался усадить меня обратно, даже начал что-то говорить, но я отмахнулся и перебил: – Вы не можете, вы не смеете так делать! Даже для принцесс существуют правила, так играйте по ним! – Я почти кричал: – Вам нужно мое время – отлично, идите и договоритесь с госпожой! Не нужно приходить сюда, словно я ваш приятель! Я вам не ровня и хорошо это знаю, не нужно играть со мной и нести этот вздор! Вы не... – Тут Рай все-таки ухитрился зажать мне рот и буквально повалил на кровать.

– Простите, Ваше Высочество, – удерживая меня, попытался улыбнуться он. – Элвин просто...

Шериада подняла руки, словно показывая, что безоружна.

– Я понимаю. Элвин, обещаю, я сейчас же уйду и сделаю все, как ты говоришь, по правилам. Только ответь мне на пару вопросов. И все. Я уйду. Обещаю.

Рай отпустил меня, и я снова поднялся. Мне хватило ума поклониться:

– Да, Ваше Высочество. Простите. Раймонд прав: это лишь изумление и радость от ваше...

– Кто такие спутники? – перебила принцесса. Наверное, у нас обоих одинаково вытянулись лица, потому что она пустилась в объяснения: – Я здесь недавно, а там, откуда я пришла, спутник – это тот, кто идет с тобой одной дорогой. Здесь это, очевидно, что-то иное. Я действительно не понимаю. Объясните.

Объяснял, конечно же, Рай. Я в это время пытался прийти в себя. Она что, издевается? Вот так? Унизь меня, как все, прикажи встать на колени... Раздеться, наконец! Но не делай вид, что ничего не понимаешь.

Принцесса тем временем внимательно выслушала.

– Ага, – сказала она, когда Рай договорил. – Я ошибаюсь или все это очень похоже на рабство?

Улыбка Рая дрогнула, но ответил он спокойно:

– Да, Ваше Высочество. Действительно похоже.

– Ага, – повторила Шериада. – Понятно. Следующий вопрос: если ваша работа столь тесно связана с сексом, то... – Она посмотрела на меня, запнулась. Потом вздохнула и все-таки спросила: – Твой первый раз, Элвин... Тоже ничего необычного не было? Полог не загорелся? Ураган не разнес спальню? Что-то в этом роде... нет?

Рай, похоже, изумленно хохотнул:

– Если под ураганом, госпожа, подразумевать...

– Элвин?

– Нет, Ваше Высочество. – Я вздохнул. Мне вдруг стало все равно. Я устал. Если она и правда уйдет, когда все спросит, то, наверное, проще ей ответить – и пусть убирается, откуда явилась.

– А плохо потом было? – зачем-то уточнила она.

Я улыбнулся:

– Все было хорошо, госпожа.

Она тихо вздохнула, и уголки ее губ опустились.

– Ну хоть не погиб, – прошептала она. – Повезло... Наверное. – И громче добавила: – Скажи, срок спутника ведь недолог? Вы можете работать, только пока молоды, правильно? Раз вы говорите, предложение столь велико... То и выбор большой, верно? Зачем держать у себя мужчину, когда можно купить мальчика...

Я перебил:

– Да, госпожа.

Она молча смотрела на нас какое-то время, потом все-таки спросила:

– А потом что?

Я молчал. Ответил Рай – не знаю, как он умудрился сказать это так просто, словно это ничего для нас не значило:

– Бордель, госпожа.

Все спутники считали, что лучше смерть. Я тоже.

Она снова кивнула. Ее взгляд пробежался по комнате – задумчивый, цепкий.

Рай поскорее добавил:

– Ваше Высочество, мы просим прощения: такие вещи не для женских ушей...

Она посмотрела было на него, потом заметила фотографию на моей тумбочке. И опять склонила голову набок, размышляя. Меня бросило в жар – прикажи она раздеться, это не было бы так унижительно. Никто из аристократок не лез ко мне в душу, а тут эта принцесса сидела в *моей* комнате и разглядывала фотографию *моей* семьи. Я не знал, чего хочу больше: выставить ее вон или поскорее убрать фотографию в ящик стола, чтобы она на нее не смотрела. Наверное, сначала второе, потом первое.

Лицо Шериады вдруг посветлело.

– Звучит мерзко, – пропела она. – Но, как я поняла, вы идете на это добровольно. Полагая, вам хорошо платят?

Рай тоже посмотрел на фотографию и прикусил губу. Спутниками становятся от отчаяния. А потом... Когда от твоего поведения зависит благополучие твоей семьи, ты будешь очень послушным. Стал бы иначе я это терпеть!

– Платят не нам, Ваше Высочество, а нашим семьям, – наконец ответил Рай.

Принцесса выслушала и молча кивнула.

– Последний вопрос. Элвин... в бескорыстную помощь от аристократки ты не согласишься?

Я фыркнул. Не смог сдержаться. Бескорыстная аристократка – это что-то сказочное, да?

Шериада улыбнулась:

– Ясно. Тогда завтра я куплю тебя у графини, и ты переедешь ко мне.

Я снова не сдержал смех.

– Ваше Высочество, госпожа меня не продаст. Вы только зря потратите время. Вы можете меня одолжить, однако...

– О, еще как продаст. – Принцесса встала, и мы, как по команде, поднялись следом. – Куда она денется?

– Например, запросит бешеные деньги. – Аппетиты Лавинии знал весь двор. Меня однажды пыталась купить у нее герцогиня Алден, но тут же передумала, узнав цену.

Шериада улыбнулась:

– А я очень богата. К тому же у вашей графини столько скелетов в шкафу... Человек с такими тайнами пойдет на все, чтобы их не раскрывать, да, Элвин? Что ж, полагаю, на этом мы пока закончили. Я прошу прощения, что испортила вам вечер.

Больше не церемонясь, она отвернулась, прошла к двери. Повозилась какое-то время, пока надевала сапоги. Рай подал ей плащ, и она благодарно улыбнулась.

– Доброй ночи, господа. И, Элвин, пожалуйста, не колдуй пока.

И она растворилась в метели и ночной темноте. Снаружи бился ветер, и Рай, с трудом заперев дверь, пробормотал:

– Она сумасшедшая.

– На всю голову, – отозвался я.

Рай потер лоб:

– Слушай, а кто провел ее через черный вход? И главное, зачем?

Я пожал плечами. Мне было все равно – лишь бы она от меня отстала.

Вечер действительно был безнадежно испорчен. Я вдруг понял, что бывают вещи «поинтереснее» графини с ее причудами. Стать игрушкой в руках сумасшедшей, например, – к тому же принцессы, а значит, стоящей выше закона. И почему мне так не везет?

Оставалось надеяться, что Лавиния не захочет со мной расставаться. Право же, откуда у Шериады столько денег? Большинство спутников стояли дешевле меня. Должен же у нее проснуться разум?

Точно проснется, когда она услышит цену. Даже у герцогини проснулся, а ведь как до этого сладко спал!

Я лежал на кровати с закрытыми глазами, думая, что будет с Тиной и мамой, если я умру раньше, чем... Раньше них то есть. В темноте раздавалось чавканье: это Рай без зазрения совести ел торт. Его можно понять: сладкое нам доставалось редко.

– Нет, она, конечно, ку-ку, – сказал он, наевшись. – Но готовит отменно! Зря ты даже не попробовал.

Ага. А вдруг и там наркотик? Раю-то ничего, а я не хочу страдать похмельем вместе с Лавинией.

– Ты действительно веришь, что это она готовила?

– Ну-у-у... Либо у нее прекрасный повар. Эл, не кисни. Ты же знаешь, Лавиния тебя ни за что не отдаст. Расслабься.

Я отвернулся. В такие моменты я особенно ненавидел свою красоту. Вот же «повезло»! Интересно, звезды на мне крест поставили с самого рождения?

Конечно, мне не следовало так думать: эти деньги спасали мою семью. Но если бы не моя внешность...

Рай нарочито громко заскрипел кроватью.

– Эл, заканчивай. Давай спать.

– Спокойной ночи.

– Ты всегда все принимаешь близко к сердцу. Это потому что ты шибко умный. От ума одно горе, мне мать так говорила.

Я усмехнулся. Да, пожалуй. Не маячьте два года назад передо мной совсем иное будущее – наверное, теперь было бы легче. К тому же не живи я восемнадцать лет в нормальной семье... Когда тебя любят просто потому, что ты – это ты. Раю было хуже. Он рассказывал это с усмешкой, но я понимал: его отец был жесток. И больше всего Рай боялся за мать: он даже не знал, жива ли она. И был уверен, все его деньги отец пропивает. «Вот бы спился уже и сдох», – говорил он.

В моей семье такое было немыслимо. Меня любили, но все это тоже осталось в той, другой жизни. Никто и никогда не полюбит спутника. Это первое, что вбивают нам в голову после подписания договора. Никто. Никогда.

Как можно полюбить наложника?

– Тебе полегчало? – спросил чуть погодя Рай.

– Да, – соврал я.

– Тогда кончай сопеть.

– Я? Да это ты храпишь! Полночи позавчера спать не давал!

Рай рассмеялся. Мы еще поговорили немного, и сон пришел легко. Пожалуй, с крестом я поторопился. С Раем мне повезло.

На следующее утро Лавиния выползла в столовую в состоянии сонной мухи, накануне искупавшейся в ликере с абсентом. И с ходу напустилась на Рая:

– Я же говорила, мне нужно соблюдать диету! Почему ты за мной не проследил? Ты должен был меня остановить!

Рай покаянно вздохнул, а когда она отвернулась, закатил глаза – мол, тебя остановишь!

Я подал Лавинии травяной настой от похмелья, – повар заранее его приготовил. Графиня скривилась – она всегда жаловалась, что он горький и вечно идет ей не в то горло. Что ж, если горл у нее, как подбородков – пять штук, то неудивительно.

– Противоалкогольная диета, моя милая? – ехидно осведомился граф, выглядывая из-за газеты.

– Ты не понимаешь, – простонала Лавиния и попыталась сфокусировать взгляд на мне: – Элвин, а ты где был?

– Во дворце, госпожа.

– А. Ну да. Точно. Господи, как же голова болит!.. И что ты там делал?

– Лавиния, узнаешь после завтрака, – перебил граф. – Потому что мне это совершенно неинтересно.

Графиня обиженно вздохнула. С похмелья она часто впадала в меланхолию.

– Да? Тебе ничего не интересно! Все, что касается меня, тебе неинтересно! Вот... – Она всхлипнула. – Вот я умру... И...

Тут Рай поскорее сунул ей десерт, как злой собаке – кость. Лавиния и повела себя как та собака – и костью с удовольствием угостилась. А потом продолжила намного спокойнее:

– А ты и не заметишь!

– О, еще как замечу, – пробормотал граф, у которого на лице было написано продолжение этой фразы: «И буду безмерно счастлив».

Лавиния капризно вздохнула и огляделась. Обычно в такие моменты граф поскорее заканчивал завтрак и сбегал в министерство. В этот раз он просто не успел.

– Ваша светлость, – в столовой возник дворецкий. – Лорд Ридан прибыл с визитом.

Граф подскочил: лорд Ридан – директор Королевского банка и министр финансов – был его кумиром. Я не вдавался в подробности, но графа, кажется, восхищала его политика «справедливого сдерживания цен». Сомневаюсь, что, поживи граф среди бедняков, он нашел бы эту политику справедливой. Насколько я знал, работала она только на бумаге. Но о бедных богачи не думали никогда.

– А, это к тебе, – вздохнула Лавиния. – Будь добр, прими его в гостиной. Я не одета.

Графиня и впрямь вышла к завтраку в пеньюаре, не удосужившись переодеться в утреннее платье. Очевидно, собиралась потом вернуться в постель.

– Ваша светлость, – вмешался дворецкий. – Прошу прощения, но лорд Ридан уверяет, что прибыл к вам, миледи.

Граф уронил десертную вилку. Лавиния просто застыла, и невооруженным глазом видно было, как в ее голове роились мысли.

Меня кольнуло неприятное предчувствие. Рай, словно догадавшись, подсел ближе и положил руку на подлокотник моего кресла.

– А... – наконец выдохнула Лавиния. – А...

– Его нельзя заставлять ждать, это второй человек в стране после короля! – зашипел на нее обычно сдержанный граф. – Ты хоть понимаешь, какие деньги сосредоточены в его руках? Бегом переодевайся!

Лавиния, в меру своих сил, действительно побежала.

– Роза! – визжала она на ходу, призывая камеристку. – Роза, немедленно сюда. Сейчас же!

Она унеслась на женскую половину, сопровождаемая суетливыми горничными, а граф повернулся к дворецкому:

– Пригласите лорда Ридана.

Герцог Вальтер Ридан действительно был важным человеком. В свои сорок лет он успел сначала сделать карьеру военного, а после – политика: занимал пост премьер-министра, затем перебрался в Министерство финансов. Его называли королевским казначеем, он входил в Малый совет при Его Величестве, и поговаривали, сам король его побаивается.

Он вошел в столовую залу чеканной походкой военного. Скупой улыбнулся графу (нас, конечно, не заметил) и огляделся.

– Признаться, я надеялся застать вашу супругу, Оливер.

Граф лично отодвинул для него стул.

– Она сейчас спустится. Вы же понимаете – женщины... Поздно встают, долго наряжаются. – Он попытался улыбнуться, но получилась у него лишь страдальческая ухмылка.

Герцог хохотнул:

– Не все. Одна такая сегодня вытащила из постели меня, хотя я сам, признаться, люблю рано вставать. Профессиональная привычка, понимаете ли.

Граф закивал:

– Быть может, пока Лавиния готовится, вы скажете, что насчет моего предложения по налоговым льго...

Герцог отмахнулся:

– Не сейчас, Оливер. Право же, я вынужден работать сегодня с рассвета, дайте мне хотя бы минуту покоя!.. Это спутники вашей супруги?

Граф, с трудом сдерживая разочарование, покосился на нас.

– Да.

Взяв изящную чашку (лучший фарфор Эштонов), лорд окинул нас изучающим взглядом.

– И кто из вас Элвин, молодые люди?

Я встал и снова поклонился:

– Я, господин.

Герцог поднял брови:

– Хм.

В столовую тем временем вплыла Лавиния. Наверное, она извела камеристку и искупалась в ее крови или сделала что-то в этом роде, но сонной мухи в абсенте как не бывало. В своем лучшем утреннем платье графиня смотрелась свежо и даже очаровательно – как милый розовый поросенок в белом шелке.

– Милорд, – сказала она, протягивая поднявшемуся герцогу руку. – Ваш визит – такая счастливая неожиданность! Ах, как здоровье вашей супруги?

– Прекрасно, – отчеканил лорд, прерывая поток обязательных любезностей. – Леди, простите, но у меня очень мало времени. Если позволите, я хотел бы сразу обсудить с вами один вопрос...

Герцог говорил на удивление прямо, и Лавиния уставилась на него, открыв рот. Аристократы редко переходят к делу сразу: обычно они никуда не торопятся. Во время визита прилично сначала спросить про семью, потом про друзей, после обсудить погоду, сделать комплимент и его обсудить тоже. И только тогда подступиться – очень осторожно – к цели визита, если таковая вообще имеется.

– О, – выдохнула Лавиния. – Да. Конечно. – Она кинула растерянный взгляд на стол. – Я вижу, мой супруг додумался угостить вас чаем. Быть может...

– Леди Лавиния, – перебил герцог. – Я здесь как представитель Королевского банка. Один из наших *очень* крупных вкладчиков явился сегодня в мою спальню... кабинет и потребовал... пожелал разрешить с моей помощью один деликатный вопрос.

При слове «деликатный» усевшаяся было в кресло леди сделала стойку:

– Да-да? Я вся внимание: что же это за вопрос?

Герцог улыбнулся:

– Покупка вашего спутника, миледи.

Лавиния разочарованно вздохнула и аккуратно поставила чашку на блюдце.

– Неужели герцогиня Алден?..

– Нет, миледи. Право, было бы уместно обсудить это в вашем кабинете... То есть, быть может, перейдем в гостиную? Мне нужно показать вам бумаги...

Графиня вздохнула, и упрямство в ее взгляде обнадежило меня.

– Милорд, простите за резкость, но я дорожу моими спутниками и не собираюсь их продавать. Ваше время, как я поняла, дорого. Не тратьте его впустую.

Герцог поджал губы. Уверен, имей он дело с женщиной, в ход бы уже пошли если не угрозы, то крепкие выражения точно. Лорд Ридан не создавал впечатление человека сдержанного.

– Миледи, вы недослушали. Мой клиент готов сделать вам очень выгодное предложение...

Графиня покачала головой:

– Не обсуждается. Простите, милорд. Быть может, еще чаю?..

Герцог покосился на притихшего графа, но если Ридан надеялся, что супруг повлияет на Лавинию, его ждало разочарование.

Графиня налила чай и сладко улыбнулась:

– Погода сегодня как раз для поездки верхом, не находите, ваша светлость? Я, признаться, неуклюжая наездница, однако...

Герцог прикрыл на мгновение глаза.

– Миледи, послушайте. Речь идет об очень, очень больших деньгах. Пожалуйста, выслушайте меня.

Графиня вздохнула:

– Если вы настаиваете. Должна заметить, в средствах мы не стеснены...

– Лавиния! – все-таки не выдержал граф. Потом выдавил улыбку – именно так это выглядело со стороны. – Милорд, прошу вас. О каком спутнике идет речь и кто же этот клиент, которому удалось заручиться вашей поддержкой?

Я уже знал ответ. Но как ей удалось? Да, она принцесса, но она здесь недавно и к тому же все-таки женщина. Та же Элизабет беспрекословно подчиняется брату и отцу: оба определяют ее содержание. Конечно, так было только в королевской семье, и, например, Лавиния в своих тратах супругу не отчитывалась. Но откуда «очень, очень большие» деньги у Шериады?

Тем временем лорд Ридан ответил. Лавиния усмехнулась, взглянув на меня:

– Надо же, Элвин. Всего одна ночь во дворце... Тебе у меня так плохо?

Мне даже не пришлось изображать волнение:

– Нет, госпожа, что вы!

Лавиния, естественно, не поверила. Но развивать эту тему не стала – она повернулась к герцогу и твердо сказала:

– Милорд, я вынуждена повторить: вы зря тратите время. Почему бы принцессе самой не нанести мне визит?

– Она собиралась. – Герцог запнулся. – Полагаю, она приедет. Но, миледи, вы не узнали сумму. – Он достал из кармана сюртука блокнот, открыл его и протянул графине.

– И все же я не собираюсь... – Лавиния взглянула на блокнот и вытаращила глаза: – Ско-о-олько?

– Видите, миледи, – усмехнулся герцог. – Я говорил, что речь идет об очень больших деньгах.

– Но откуда у нее такая сумма?!

Мне вспомнились слова Шериады: «Я очень богата...»

– Лавиния! – вырвалось у графа. Вопрос действительно был крайне бестактным.

Герцог кивнул:

– Понимаю.

«Самому интересно», – повисло в воздухе.

– Да она разорится! Зачем ей?..

– Графиня, – усмехнулся лорд Ридан. – Поверьте, скорее разорится казна, чем новый родственник Его Величества. Очень советую вам хотя бы подумать, а лучше – согласиться. Принцесса настроена серьезно. Только представьте, на что может пойти человек с такими деньгами, приближенный к королю.

Граф резко выдохнул:

– Милорд, вы угрожаете моей жене?

– Что вы, Оливер. Просто взываю к разуму.

Лавиния нахмурилась и молча покрутила в руках пустую чашку.

– Раймонд, Элвин, оставьте нас.

Конечно, разговор о деньгах и политике не для ушей спутников. Мы с Раем повиновались.

Двор после вчерашней метели уже почистили, тропинки в саду – тоже. Здесь было пусто: клумбы укрыты снегом, статуи убраны в деревянные футляры, на двери сторожки висел замок. Птицы скакали по заиндевевшей дорожке, пока я щипал для них хлеб, – Рай буквально заставил меня сначала заглянуть на кухню и нормально позавтракать.

Кажется, он со мной уже прощался.

Мы молчали. Я сыпал крошки, Рай дул на руки и усмехался чему-то своему.

– Знаешь, что я думаю? – сказал он наконец. – Если она платит такие деньги, что даже у нашей Лавинии волосы дыбом встали... то она и впрямь настроена серьезно. Не станет же она плохо обращаться с такой дорогой покупкой, сам подумай.

Я вспомнил, как лежал перед письменным столом принцессы, как задыхался от боли. Что значило ее «учить»? Чему, интересно? Как у спутника, ответ у меня, разумеется, был.

Примерно в два часа у парадного подъезда остановилась королевская карета. Слуги высыпали поглазеть на принцессу, в доме поднялась великая суета. Готовили обед на пять перемен – шикарный даже по меркам графини. Все это носили в столовую залу, откуда никто так и не вышел.

Рай сунул мне книгу.

– Да расслабься ты! Как будто первый раз хозяйку меняешь.

Я промолчал. Даже читать не получалось. Она сумасшедшая. Нет, она меня не убьет, но есть вещи хуже смерти. В конце концов, Лавинию я хотя бы успел изучить. А тут – мало того, что эксцентричная, так еще и чужестранка. Она даже говорит с акцентом, как варвары с Большой Земли! Из-за ее голоса я не сразу это заметил, но вчера обратил внимание – наверное, потому что уже привык. Может быть, она и сама жила среди варваров? Ну да, где же еще! Тогда все хуже, чем я думаю. Ничего хорошего в книгах про Большую Землю не писали. Наверняка неспроста. Хоть доля правды в тех текстах, конечно, была.

Впрочем, долго мучиться после приезда принцессы мне не пришлось. Из-за закрытой двери столовой, откуда выгнали даже слуг, теперь то и дело доносился смех. Что веселого им рассказывала Шериада, я понятия не имел, но до ее появления все было тихо.

В три часа дворецкий нашел меня в гостиной – мы с Раем пытались отвлечься, играя в карты. Даже теряясь, я его обыгрывал, на что Рай как всегда обижался. Но сейчас от этого было совсем не весело.

– Элвин, тебе приказано ждать Ее Высочество в карете, – передал дворецкий. Теперь даже он смотрел на меня с интересом. Словно, как и все, не мог понять: из-за чего этот сыр-бор?

Рай проводил меня, восхитился каретой и притворно мне позавидовал. Потом обнял напоследок.

– Зато эта свинья больше не будет топтаться по твоим ногам во время танца, – сказал он.

Я усмехнулся. А Рай добавил:

– Да-а-а, теперь она остается полностью в моем распоряжении. Даже не знаю, что я буду делать с таким огро-о-омным счастьем?

Понятно что: Лавиния купит следующего спутника. Одного для высокородной леди мало. Тем более если ей заплатили «очень большие» деньги.

Еще через полчаса в карету наконец села принцесса. Она улыбалась герцогу и графине, а где-то за их спинами маячил граф. Все пожелали друг другу приятного дня, Шериада помахала ручкой – и карета тронулась.

Принцесса отвернулась от окна и выдохнула облачко пара.

– Боги, ты тут не замерз? Я же просила прогревать карету. Ну что за нерадивые слуги!

У меня давно зуб на зуб не попадал, так что я даже отвечать не стал, только попытался улыбнуться, хотя наверняка получилось жалко.

Шериада сняла меховой плащ и накрыла им меня, как одеялом. Сказать, что я удивился, – значит ничего не сказать. В первую зиму я постоянно ждал госпожу, тогда еще баронессу Литте, в людской. Бывало, по несколько часов: у баронессы тогда другие спутники ходили в любимчиках. В людской не топили, и мерз я отчаянно. Конечно, никому до этого не было дела.

Плащ принцессы был на удивление теплым и тонко пах фиалками.

– Оставь, мне не холодно, – отмахнулась Шериада, когда я попытался возразить. – Тем более сейчас здесь станет жарко.

Обычно после таких слов ждешь... определенного приказа. Но принцесса не торопилась его отдавать. Она сложила ладони – снова в перчатках, – потом раскрыла их и подула.

В карете моментально стало и тепло, и светло – над ладонями Шериады распустился настоящий огненный цветок. Я оторопело смотрел на него, а леди говорила:

– Прости, что задержалась. Хотела забрать тебя еще утром, но этот идиот Вальтер так долго копался! Пришлось самой ехать, он даже женщину уломать не способен. – Неужели она это про лорда Ридана? – Как у него госбюджет не сходится, так и здесь. Зато в вашем агентстве нас точно ждут.

– Агентстве, госпожа?

– Ну да. Спутников. – Принцесса нахмурилась: – Снова забыла название.

Я опешил. Аристократки предпочитали посылать в агентство слуг. Зачем самим утруждаться? К тому же обычно всего-то требовалось отправить карету, чтобы забрать понравившегося юношу из каталога. Но если принцесса уже заплатила за меня, то... Зачем?

Когда я осторожно поинтересовался, Шериада пожала плечами:

– Будем менять условия твоего договора, разумеется.

Я молча уставился на нее. Что могло ей не понравиться в стандартном договоре? Он затрагивал совершенно все, что требовалось дамам, и ни одна из моих хозяек еще не жаловалась.

– Да, они тоже удивились, – бросила принцесса.

В агентстве – старинном особняке, построенном еще до Потопа, – нас и правда ждали. К нам вышла сама владелица, мадам Жирона – я смутно помнил ее по первому интервью. Голос у нее был едва ли не слаще, чем у принцессы, но говорили они мало. Мадам подтвердила, что согласна со всеми условиями Шериады, и с поклоном отдала принцессе документы. На этом все и закончилось, и мы даже на обычный при таких процедурах чай не остались.

Потом карета развернулась – но вовсе не ко дворцу, как я думал, а почему-то направилась к Южным воротам.

Я давно не находил себе места.

– Госпожа, позволено ли мне спросить?

Принцесса в третий, кажется, раз внимательно перечитывала договор.

– Угу.

– Мы собираемся нанести еще один визит?

Она подняла взгляд и нахмурилась:

– Нет. С чего ты взял?

– Мне показалось, мы едем не во дворец...

– А! – Она рассмеялась, все так же очаровательно. – Нет, я не живу во дворце. Я обнаружила, что могу выносить своих родственников очень недолго. Мое поместье за городом. Не волнуйся, если пожелаешь приехать в столицу, в твоём распоряжении будет карета.

– Да, миледи. – Я не понял, почему она говорила так, будто я поеду в столицу без нее. Хотя... Она может отправить меня во дворец с поручением, например. Одолжить той же Элизабет. По-родственному.

– У тебя наверняка много вопросов. – Принцесса протянула мне договор. – Я рада буду на них ответить, но сначала прочти.

Я не ожидал, что она мне его покажет. Что ж, раз это игра... Но договор точно был правильный: на нем стояли подписи и королевская печать.

Я сразу заглянул в раздел «Размер и порядок оплаты». Цифра, которая там стояла, в десять раз превышала сумму, каждый месяц уходившую моей семье ранее.

У меня задрожали руки. Я лихорадочно читал, ища подвоха, а Шериада скучающе смотрела в окно. Мы недавно проехали Южные ворота.

– Госпожа... Простите, я не понимаю.

Она перевела взгляд на меня:

– Что именно?

– Здесь написано, что с агентством я больше не связан...

Она кивнула.

– И... указаны две суммы. Одна из них уходит моей семье, другая... передается мне?

– Лично в руки или на счет в Королевском банке, если ты захочешь его открыть, – кивнула Шериада.

Это означало, что я снова считался юридически самостоятельным лицом. Спутник не может открыть счет или отвечать за себя в суде: для закона мы не существуем. Я подумал сначала, что она шутит, но в документе действительно было написано ясно – и он очень напоминал обычный договор найма.

А суммы были... громадные.

Я запнулся, и принцесса зачем-то добавила:

– Там еще сказано про бонус, то есть премию... Или как у вас называется прибавка к зарплате? Будешь хорошо учиться – заплачу больше. Ты увидишь, я не скупая.

– Чему учиться, госпожа?

Она улыбнулась:

– Если я скажу: «Магии», ты же мне в лицо рассмеешься, да?

Точно нет – я же не идиот. Но раз снова всплыла магия... Понял, играем.

– Ничего страшного не будет, Элвин, – добавила Шериада. – Сейчас мы приедем, я покажу тебе мое поместье, выдам стопку книг – правда, увесистую, но у тебя будет неделя, чтобы их прочесть и ответить на мои вопросы. Вот и все.

Книг? Это что, метафора?

Я снова посмотрел на договор.

– Здесь сказано, что я могу увидеться с моей семьей, госпожа.

– Конечно. Я же сказала. Бери карету, езжай в город. Адрес я тебе дам. – Она смотрела на меня так, словно не понимала, что меня удивляет.

Хватит, думал я. Хватит со мной играть. Надежда меня уже поманила однажды, а потом отвернулась. С тех пор про учебу в колледже я старался не вспоминать. Слишком болезненно.

– Зачем? – выдохнул я. – Зачем вам это? Почему вы просто не купили меня у графини, для чего нужно... это? – Я посмотрел на договор.

Принцесса усмехнулась:

– Элвин... Ты еще увидишь: я не играю по правилам. Я их устанавливаю. А что до этого бумажного пустяка – для меня это инвестиции. Позже, возможно, после окончания обучения, ты их мне вернешь. Или нет; это не имеет значения. Для тебя это важно, для меня – мелочь. Так почему бы и нет?

Я закрыл глаза. Игра, конечно, игра. Поманить самым дорогим – свободой. Купить «очень большими» деньгами. Потом сломать. Я слышал про такое, и я не попадусь.

Шериада ждала. Я с улыбкой отдал ей договор:

– Благодарю, миледи, за вашу заботу. Я с признательностью сделаю для вас все, что вы пожелаете.

Она вздохнула:

– Намучаюсь я с тобой...

«Да уж, или я с тобой», – подумал я. Но этого, конечно, не сказал.

Остаток пути мы молчали.

Глава 3

За годы службы я ближе, чем хотел, познакомился с аристократами и понял две вещи. Во-первых, они без ума от роскоши. Все, что позволяет подчеркнуть их статус и состояние, они просто обожают. Древняя статуя, по которой плачет столичный музей, будет выставлена у парадного подъезда под дождь и ветер, чтобы показать желающим, что такая «мелочь» хозяину по карману.

Как же меня первое время это злило! Я вспоминал собственную квартирку, в которой нам четверым едва хватало места, смотрел на их шикарные дома, на библиотеки, в которых книги пылились бы десятилетиями, если бы слуги не протирали их каждый день. В те мгновения я понимал реакционеров: это чудовищная несправедливость и привыкнуть к ней невозможно.

Я, конечно, ошибался: ко всему привыкаешь. Спустя год я перестал об этом даже думать. Зачем? Все равно ничего не изменить.

Во-вторых, тех, кто ниже их по положению или по количеству нулей на счету, аристократы в лучшем случае не замечают. Но если заметили – держись, они всласть над тобой поглумятся. Такие, как я, или слуги, или даже разбогатевшие торговцы – о всех нас вытирают ноги и постоянно подчеркивают наше положение по отношению к ним. Теперь мне смешно было думать, что я и сам когда-то мечтал о дружбе с аристократом. Как я был наивен! В колледже меня съели бы с потрохами.

Принцесса Шериада стояла на вершине социальной лестницы, а следовательно, представлялась мне аристократкой до мозга костей. Она сорила деньгами без счета, и я ожидал ослепительной роскоши и столь же впечатляющего высокомерия.

Однако ей, похоже, нравилось играть в фамильярность. «Ты» спутнику еще куда ни шло, но, выходя из кареты и держась за мою руку, она неожиданно попросила:

– Ты не мог бы перестать говорить мне «вы», Элвин? В нуклийском это местоимение используется только во множественном числе, так что я постоянно чувствую, словно случайно наколдовала собственных клонов. Хочется оглянуться и проверить, нет ли позади меня копии. Понимаешь?

Я настолько оторопел, что даже не смог ей ответить.

Впрочем, она не настаивала.

Ее поместье тоже оказалось не таким, как я ожидал. Мне представлялось нечто вроде Королевского дворца – столь же громадное и шикарное. Ухоженный сад с постриженными пирамидками и цилиндрами деревьями, мода на которые не проходила уже второй сезон. И, конечно же, золотые купола на башнях – вернейший способ сказать всем вокруг: «Я очень, очень богата. Склонитесь предо мной».

Но ни куполов, ни фигурного сада я не увидел. Я угадал только размер: поместье было громадным. Неудивительно, что принцессе не нашлось места в столице, с такими-то аппетитами.

Но никакой показной легкости, никаких каменных рюшей, ажурной отделки я сначала не заметил. Наоборот, поместье принцессы встречало гостей не чем-нибудь, а настоящим рвом. Да, как в старинных книгах. Глубокий и достаточно широкий, он был завален снегом, под которым мне чудились по меньшей мере колья, а то и алые глаза какого-нибудь сказочного чудовища.

Весьма гостеприимно!

Далее – ворота. Не кованая решетка с гербом рода, как принято у знатных семей, а нечто странное – то ли слова, то ли знаки, написанные искрящейся в солнечном свете краской на металле, который, на первый взгляд напоминал серебро.

И огромная – в три, а то и четыре человеческих роста – каменная стена, на которой то и дело мелькали те же знаки или письмена, что и на воротах. Признаться, я опешил, а когда мы пересекли откидной мост, голова вдруг взорвалась от боли. Но лишь на мгновение – и она тут же прошла.

– Привыкнешь, – бросила принцесса, заметив, что я взялся за голову. – Защитные чары. Я промолчал.

Карета проезжала по дубовой аллее, и за деревьями вдалеке я увидел круг из камней – как в сказках, где в таких кругах плясали ведьмы, готовясь наслать на город проклятье.

– Заметил? – Шериада тоже глянула в окно. – Без меня туда не ходи ни в коем случае. Ни ногой. Это природный портал, и защитные чары над ним, конечно же, нестабильны, поэтому я надеюсь на твое благоразумие. Слышишь, Элвин? Я запрещаю.

– Да, госпожа, – ответил я.

При этих словах во мне всколыхнулось любопытство. Это же просто камни! Один барон как-то построил себе целый сад камней – говорят, была такая традиция в одной из стран до Потопа. Построил и неустанно им хвастался. И камни-то он заказал с Большой Земли, и песок непременно морской, и расстояние рассчитали по какому-то фэншую, что бы это ни значило.

– Унесет – ищи потом по всем Средним мирам. – Шериада покачала головой: – Пока это для тебя опасно.

Дорога наконец повернула к особняку, и я не сдержал изумленного вздоха. И было отчего. В популярных нынче книгах герой попадает в дом с привидениями и обязательно видит знаки, что это место неблагополучно. Непривычно яркое алое небо, к примеру, или молния среди ясного дня, следы волчьих лап, алое пятно на пороге, обрывок цепи, кровавый снег. Но на все это он, естественно, не обращает внимания. Ничего подобного здесь не было, но поместье выглядело очень зловеще. Невозможно, но оно казалось живым.

Принцесса, посмотрев на меня, не стала злобно хохотать, как герои тех романов. Она нахмурилась и пожала плечами, как бы спрашивая: что такого?

Ее дом поражал отделкой как снаружи, так и – как я после убедился – внутри. Какая там воздушность, какая ажурность – он напоминал готический собор из тех, что строили еще в глубокой древности. Строгая геометрия, стрельчатый свод, острые шпили, вытянутые окна и двери, яркие витражи... Множество изящных садовых статуй: сотни людей в странных костюмах смотрели на меня пустыми глазами, в которых нет-нет да чудился свет. Каменные животные, которых не существовало в природе, разевали на меня свои пасти. Я невольно отодвинулся подальше от окна, а когда карета остановилась, выходить мне совсем не хотелось.

– Не волнуйся, это всего лишь дом, а ты – мой гость. Он тебя не укусит, – улыбнулась принцесса.

Я опомнился. Следовало выйти первым и подать госпоже руку. К тому же кто я такой, чтобы жаловаться? Есть вещи и похуже пугающих статуй. Бывают, например, комнаты развлечений, а у некоторых – вроде той же герцогини Алден – и целые подземелья с шестами, наручниками, крестовинами и всем, что может понадобиться тем, кому одной страсти уже мало.

Однако я вздрогнул, когда, ведя принцессу к парадному крыльцу, заметил лакея, появившегося прямо из воздуха, и конюха, глаза которого были совсем черными.

Наверное, я слишком сильно сжал руку Шериады, потому что она вздохнула и сказала:

– Знаю, стоило привезти тебя во дворец и оставить в моих апартаментах: там все, *как у всех*, вопиюще обычно. Но, во-первых, объяснить моей семейке, что ты мне очень дорог, я бы вряд ли смогла, не прибегая к внушению, чего мне бы, естественно, не хотелось. А во-вторых, чем раньше начнешь... Да?

Она как будто извинялась, что было еще немыслимее ее просьбы говорить «ты» в ее адрес. Я сжал кулак правой свободной руки так, что ногти впились в кожу.

«Очнись, – думал я. – Что ты ошолбенел, как будто первый раз поместье аристократа увидел! Работай. Ты здесь для этого».

– Однако, – продолжала принцесса, – я привезла для тебя слуг-людей. Чтобы тебе не было одиноко. Или скучно...

Для меня? Мы уже входили в ярко освещенный холл. Разноцветные отсветы витражей причудливой мозаикой падали на стены, пол и фигуры замерших в поклоне слуг. Они полукругом выстроились у мраморной лестницы, как и предписывала традиция. Однако обычно так хозяина встречали после долгого отсутствия. Разве принцесса куда-то уезжала?

Слуг было много – с полсотни. Для крупного поместья, наверное, в самый раз.

Принцесса остановилась, и я невольно уставился на дворецкого – он стоял ближе всех к нам и, конечно, был единственным, кто носил не серую ливрею, приличную всем слугам мужского пола, а сюртук. Экономка рядом с ним – дама средних лет со строгим лицом и пучком совершенно седых волос на затылке – присела в реверансе. На ней было черное платье – королевский цвет, к тому же мужской. Я с трудом сдержал вздох удивления.

А стоило бы ожидать: какая госпожа, такие и слуги.

– Алекс, – представила дворецкого принцесса. Сама, что тоже было не по правилам. – И Ирэн. Элвин, пожалуйста, обращай к ним, если тебе что-то понадобится.

– Да, – выдавил я.

– Господин, – хором откликнулись дворецкий и экономка.

Наверное, лицо у меня стало очень забавным, потому что принцесса не смогла сдержать улыбку.

Я заставил себя вспомнить, что все это – просто игра богатой чудачки. Держать это в голове становилось все сложнее: уж больно хорошо принцесса знала свою роль.

– И твой камердинер. Ори. – Шериада указала на юношу, моего ровесника. Он, естественно, был в сером, как и положено лакею. И рыжим, как делегация варваров с Большой Земли, а его лицо так обильно усыпали веснушки, словно он забыл с утра умыться. Но он поклонился вполне прилично, а его улыбка болезненно напомнила мне о Рае.

– Камердинер, госпожа? – Я не сдержал удивления: – Мой?

Никаких слуг у спутников, конечно, никогда не было. Да любой камердинер был выше меня по статусу!

– Конечно, – кивнула Шериада. Для нее это как будто было в порядке вещей. – Что ж, с остальными ты познакомишься позже. – Она оглядела слуг, улыбнулась и сказала что-то, как мне показалось, на чужом языке.

Они дружно поклонились и хором ответили ей на том же языке. Все-таки варвары...

– Идем, – кивнула мне принцесса, направляясь к лестнице. – Жилые комнаты на втором этаже, но это ты и так знаешь, потому что у вас так же. На третий этаж, пожалуйста, не ходи: он весь мой. – Она указала наверх, где покрытые ковром ступеньки терялись в темноте. – Там моя спальня и ведьмина кухня. В кухню ты и так не зайдешь: дверь не откроется. А вот защита спальни иногда не срабатывает, так что... Просто поверь, на каждом шагу там ловушки. Ты же не хочешь остаться без руки, например? Нестрашно, конечно, ведь ее всегда можно исцелить, но процесс, поверь, неприятный... А вот второй этаж весь в твоём распоряжении. Это твоя комната.

Она толкнула первую же дверь в показавшемся мне бесконечным коридоре. Я присмотрелся – на двери были изображены те же знаки, что и на воротах. Они сверкнули, когда я переступил порог.

– Защита, – объяснила Шериада. – Круг рядом, а значит, в доме теоретически может появиться кто угодно. Риск, на который мы все идем. – Она вздохнула. Мне уже сейчас казалось, что она говорит на варварском языке, потому что я ровным счетом ничего не понимал. Однако я не перебивал. – Демонолог, да еще и с таким уровнем силы, как у тебя, – продолжала принцесса, – желанная добыча для любого мага что в Лионе, что в Нуклии... Тем более в Нуклии. Мне безумно повезло, что ты так хорош в щитах и Руадан все это время тебя не замечал. Поверь, хозяин он не очень. Я лучше. Я, по крайней мере, человек. – Говоря это, она прошла по комнате, осмотрела ее, почему-то уделив особенное внимание ковра у кровати и подоконнику. К последнему она даже наклонилась и принялась.

Ровно ничего примечательного там не было. В комнате стояла огромная кровать, что не слишком бы меня удивило, окажись это комната самой принцессы. А может, так и было на самом деле, просто Шериада решила надо мной подшутить? Я так вначале и подумал.

Туалетный столик здесь тоже был, но совсем не подходящий для женщины. Никаких флаконов на виду не было. Может, они в ящиках?

И, конечно, имелся шкаф. Внушительный, в него бы наверняка поместился даже гардероб принцессы. Две двери располагались по его бокам, на них тоже были знаки – как и на стенах, полу и даже изголовье кровати. У меня мелькнула на мгновение мысль, что я попал в сказочный дом с привидениями, но, конечно же, этого не могло быть. Я ведь не ребенок – верить в такие вещи.

А еще – как же здесь было роскошно! Нет, полудрагоценные камни в столбиках кровати не мерцали, как в спальне моей первой госпожи, но у той даже ночной горшок был золотым. Ничего подобного: эта роскошь не бросалась в глаза. Однако она выглядывала из каждого угла, ощущалась в любой мелочи.

Кровать была застелена льняным постельным бельем. Льняным! Господи, какое расточительство! Как дорог лен, знал каждый аристократ. Такой постельный набор мог себе позволить разве что король.

Вышитый серебряной нитью полог был шелковым, и он переливался на солнце очень знакомо, демонстрируя качество ткани. Такой шелк был ценен – страшно сказать, сколько просили за метр этой ткани. Лавиния вечно жаловалась портнихе, что совести у торговцев нет. А здесь – полог. Ну не сумасбродство ли?

К тому же все вокруг было отделано деревом – и это на нашем Острове, где лес вырубili еще до Потопа, а новый так и не вырос. Паркет из молочного дуба, и из него же – резные стенные панели, столбики кровати и шкаф. Благодаря этому теплomu, мягкому цвету комната как будто сияла.

– Тебе нравится? – Принцесса отвлеклась от подоконника и посмотрела на меня.

Я поймал ее взгляд и улыбнулся – скромно и обещающе, как спутнику и пристало. В первые дни я долго тренировал эту улыбку. И этот взгляд. Лучше всего получалось, если повторять про себя: «Ты моя. Я нужен тебе. Ты меня любишь».

Этот фокус удавался мне всегда. Я смотрел и ждал, что принцесса тоже улыбнется, подойдет ближе, потом остановится и... Нет, эта не остановится. Эта поцелует сама, а после... Все будет как обычно. Я даже хотел этого – чего-то привычного во всем этом... хаосе.

Шериада действительно улыбнулась – но изумленно, словно не восхищалась мной, а глазам не верила. А потом, отвернувшись, рассмеялась, как будто я рассказал ей очень смешную шутку.

Вздрогнув, я отвел взгляд.

– Э-э-элвин, – протянула принцесса. – Боги и бездна! Не старайся, на мне твои чары не сработают. Я все-таки... Ну... – Она снова залилась искристым волшебным смехом. Потом обернулась, сама поймала мой взгляд и успокоилась. – Ну же, я не хотела тебя обидеть. Но это и правда смешно. Если тебе что-то нужно, просто скажи, ладно? Вдобавок ты уже мне очень важен. Зачем меня чаровать? – Она покачала головой. – Однако должна заметить: прекрасное исполнение. Для человека, который в магию даже не верит... Браво.

– Благодарю, госпожа, – выдал я. Нужно было что-то сделать, а я стоял как идиот.

Она прошла мимо меня к двери.

– Идем, я покажу тебе библиотеку.

Дверь слева в середине коридора украшал вырезанный на деревянной панели кот с внимательными зелеными глазами. Уверен, он смотрел на меня, когда мы подошли, а коридор перед нами вытянулся. Впереди зажглись светильники в разъявленных стеклянных клювах птиц. Наверняка поместье принцессы было наполнено такими иллюзиями. Что ж, кто чем увлекается. Некоторые придворные – золотом. Шериада же, очевидно, жить не могла без своей таинственности.

Ее библиотека поразила меня даже больше роскошной спальни. Помните, я хвалил королевскую библиотеку во дворце? Забудьте. Принцесса или была из тех, кто кичится книгами, как золотыми ночными горшками, или тоже обожала чтение – и я надеялся на второе. Хоть одна общая тема у нас будет. Если она когда-нибудь перестанет говорить про эту свою магию.

Стеллажи тянулись от порога, и их ряды казались бесконечными. Здесь тоже имелись лестницы и десятки уютных ниш с диванами, креслами, пуфами... Всем, что в голову взбредет. Были даже качели – помню, уставился на них как дурак. Качели в библиотеке – это ж додуматься надо! Рядом стояла стеклянная витрина с напитками и десертом. Неподалеку я заметил роскошный письменный стол-секретер. Рядом – шахматный столик.

– Заниматься можешь здесь. – Принцесса подошла к столу, достала из ящика лист бумаги – очень белой, даже блестящей. Я ожидал увидеть на нем королевский герб, но ничего такого не было. – Держи. Посмотри, поймешь ли ты мой почерк. Признаться, я вчера ночью это писала. Странно, что шоколадом не заляпала... В общем, держи, а я пока соберу тебе книги.

На листе и правда был маленький коричневый отпечаток в правом углу. Почерк у принцессы действительно оказался непростым. Я с трудом разобрал лишь первую строчку: «Почему вода в Алом водопаде красного цвета?», когда слева от меня раздался сначала тихий шелест, потом шуршанье, а после – характерный звук упавшей книги.

– Бездна, – выдохнула принцесса, балансируя на верхней ступеньке лестницы у ближайшего стеллажа. – Элвин, лови ее, а то убежит!

Я осмотрелся.

– Кого, госпожа?

– Да книгу же!

У лестницы действительно лежала книга в черном кожаном переплете. Конечно, никуда она не бежала. Я послушно поднял, а Шериада буквально выдернула ее у меня. И принялась выговаривать – не мне, а книге:

– Ты ж смотри, какая шустрая! Дождешься, прикую к полке. Что, почуяла демонолога и притихла, да? Смотри у меня!

«Ты ведь и так знал, что она чокнутая, – думал я. – Чему ты удивляешься?»

– Ну как, ты разобрал мои вопросы? – позвала принцесса. С лестницей она управлялась лихо – раскачивала ее, как акробат трапецию.

– Все в порядке, госпожа.

– Да? Замечательно. А вот и твои... уф!.. книги.

Она спустилась, и я только сейчас сообразил, что слова о книгах все-таки не были метафорой. В руках у принцессы покачивалась целая башня из десяти увесистых томов – Шериаду за ними даже не было видно.

– Вот, все твое, – довольно сообщила она и положила это богатство на стол рядом со списком. – Итого у тебя неделя. Ты должен все это прочесть и быть готовым ответить на вопросы, которые я написала, – она кивнула на список, а потом улыбнулась: – Я же говорила, ничего страшного.

– Да, госпожа, – пробормотал я, переводя взгляд с нее на книги.

Принцесса улыбнулась и осторожно похлопала меня по плечу:

– Ты справишься. Я в тебя верю. – Потом добавила: – Меня всю неделю не будет. Так что непонятные места отмечай, и потом мы с ними разберемся. Я вернусь ровно через семь дней, час в час, минута в минуту: у меня так портал настроен. – Она помедлила, потом потянулась к моему воротнику. – Как у тебя привязка прошла?

Я замер, и она выудила из-под сорочки подвеску на шнурке – ту самую, из оникса в серебряной оправе. Я не видел ее с позавчерашней ночи и посчитал сном, но вот она – теплая, мягко мерцает в руке принцессы.

– Отлично, – кивнула Шериада. – Она тебе не мешает?

– Нет, госпожа.

Принцесса осторожно спрятала ее обратно под одежду. Камень должен был холодить кожу, а шнурок тянуть, но ничего подобного я не чувствовал – подвески как будто не было.

Принцесса посмотрела на массивные часы, украшенные крылатым змеем, вырезанным из дерева.

– Если честно, мне пора бежать. У тебя есть вопросы?

Конечно! Миллион.

– Нет, госпожа, – улыбнулся я.

– Ну и прекрасно. Чувствуй себя как дома, располагайся. И учти – я добрая, но если через неделю ты мне на это, – она кивнула на список вопросов, – не ответишь, я буду очень, очень злая. – Принцесса усмехнулась, и так жутко это у нее получилось, что я снова вздрогнул. – Поверь, ты не хочешь меня злить. Что ж, удачи.

Сказав это, она развернулась и стремительно направилась к двери. Ее легкие шаги очень скоро стихли в коридоре, а я остался стоять как дурак, не понимая, что это было, и главное – что теперь делать?

Часы пробили пять вечера. За окном загорелся алый закат, тот самый предвестник бед.

Я разложил книги на столе. Касаться их было страшно: один такой том наверняка стоит больше, чем мой годовой гонорар. Кожаные обложки, серебряное тиснение, гладкие страницы из плотной белой бумаги... География Нуклия, история Нуклия, флора и фауна, фольклор,

мифология, искусство, традиции и обычаи – все, естественно, Нуклия. Последняя книга была поменьше и называлась довольно странно: «Магия и этикет». Я подозревал, что тоже Нуклия, чем бы это ни было.

Наверное, какая-то страна на Большой Земле, куда принцесса захочет меня увезти?

От этой мысли я похолодел. Уехать к варварам? Нет. Ни за что, ни за какие деньги.

Но моя семья все еще зависит от меня. По договору принцесса обещала платить мне раз в неделю и даже обмолвилась о повышении суммы. Что ж, этого хватит на то, чтобы скопить приличный капитал, если все сложится хорошо.

Господи, о чем я думаю! Дня не прошло, как я сменил хозяйку, а меня уже посещают мысли о побеге. Как будто мне не объяснили в первый год, что будет, когда меня поймают. Да, не «если», а «когда».

Подожди, успокаивал я себя. Потерпи, осмотришься. Может быть, еще не все так плохо. Нужно расположить госпожу к себе. Других спутников у нее нет, значит мои шансы в разы увеличиваются. Она сказала, что уедет, но я не слышал кареты, а окна библиотеки выходили как раз на парадный подъезд. Значит, это тоже была часть игры. Возможно, ей нравится наблюдать? Я слышал о таком – так почему бы и нет?

Что ж... Нужно выяснить, где моя настоящая комната. Затем...

Дверь в библиотеку снова открылась, и я резко обернулся, чуть не уронив со стола книгу по этикету.

– Господин, – поклонился тот рыжий юноша, которого Шериада назвала моим камердинером. Беднягу наверняка перекосило: служить спутнику – это же надо так упасть. Поймав мой взгляд, юноша запнулся. – Прикажешь... Прикажете подать ужин сюда?

Я сжал кулаки за спиной. Конечно, слуги приняли правила госпожи – как же иначе? Представляю, как они будут надо мной смеяться, когда игра закончится.

– Быть может, вы просто покажете мне, где здесь кухня? – попытался спасти положение я. Юноша – Ори, кажется? – выпрямился и изумленно посмотрел на меня:

– Ты... Простите, вы хотите ужинать на кухне? Мы можем накрыть в столовой зале.

В его голосе мне послышался намек, и я вздохнул:

– Накройте там же, где собирается ужинать госпожа, пожалуйста.

– Но, господин, миледи уехала. Она вернется не ранее чем через семь дней.

– Уехала? – Я невольно оглянулся на окно. – Но я не слышал кареты.

Ори улыбнулся:

– Миледи редко путешествует в карете. Зачем карета волшебнице, господин, когда есть портал?

Я чуть не спросил, что он имеет в виду. Но нужно было поддерживать условия игры, а значит...

– Накройте, пожалуйста, в столовой.

Ори снова поклонился.

– И покажите мою комнату, – добавил я.

– Конечно, господин. Идемте.

Нет, конечно, все не кончилось так просто. Ори привел меня в ту же спальню, которую показывала принцесса. Разумеется. Чего я ожидал?

– Желаете принять ванну или переодеться перед ужином, господин?

Я невольно вздохнул. Когда Шериада ушла – а вместе с ней и большая доля моего напряжения, – я почувствовал, что смертельно голоден.

– Нет, после.

Ори снова поклонился:

– Как пожелаете. Показать вам столовую, господин?

– Да, пожалуйста.

Аристократы любили выставлять в гостиных и столовых залах золотые или хотя бы серебряные сервизы – в стеклянных шкафах, чтобы все блестело, сверкало... И пугало таких, как я. Не дай бог споткнешься с подносом – и еду угробишь, и это богатство разобьешь. А оно почти наверняка стоит больше, чем я сам.

В столовой принцессы стоял только массивный круглый стол, тоже из дуба. И, конечно, кресла – четыре, с подушками на сиденьях и мягкими кожаными спинками. Никаких витрин, никакой посуды – зато огромные панорамные окна, в которые как на ладони был виден сад внизу. Отнюдь не фигурный, как сейчас модно, – он казался вовсе заброшенным. Я подумал, что непременно заблужусь в нем, стоит свернуть с главной аллеи. Принцессе впору было стоять на тропинках указатели... Интересно, бывают ли у нее гости? И что она делает с теми, кто заблудился? Я вполне мог представить, как хрупкой изящной Шериаде предупредительные слуги подают из бедняг пирог. И она с улыбкой его ест.

Аппетит от таких мыслей, однако, не исчез – скорее, усилился. Особенно когда лакеи расставили блюда на столе. Как оказалось, все это были закуски: сыры, колбасы, чесночные хлебцы, рулетики из овощей, грибы... А меня ждал обед из пяти блюд – тот самый, который в доме графа Эштона посчитали бы праздничным.

После рыбного супа и запеченной утки со сливами я сдался. Мне все еще хотелось есть; я всегда чувствовал себя голодным, но давно привык. Если хочу остаться красивым, нужно следить за фигурой хотя бы так.

Я отодвинул тарелку и посмотрел на изумленного Ори:

– Довольно.

– Господин! Вам не нравится мясной паштет? Возможно, рисовый пудинг больше придется вам по вкусу?

Я понятия не имел, что такое рис, и замешкался с ответом. Ори успел подать знак лакею у дверей, и в считанные мгновения передо мной водрузили тарелки с чем-то, отдаленно напоминающим пирог, политый ягодным соусом.

Я с трудом отвел от него взгляд и повторил:

– Хватит.

– Но, господин, разве волшебники не должны много есть? – вежливо возразил Ори. И принялся уговаривать меня, как ребенка: – Попробуйте, возможно, вас удивляет незнакомое блюдо, но в Нуклии оно считается традиционным... – Снова этот Нуклий! – И госпожа его очень любит, – добавил Ори, чем ему и удалось меня убедить. Спутников учат любить все, что предпочитают их госпожи. Так легче понравиться.

Пожалуй, впервые за два года я был сыт. И чувствовал невероятную вину: я не должен был так объедаться. Завтра придется остаться без завтрака. Кем я буду, если перестану следить за собой? Особенно сейчас, когда госпожа так щедра.

Ори, похоже, сообразил, как на меня действует фраза «и вот это госпожа тоже очень любит». Так он убедил меня попробовать горячий шоколад с перцем – согласен, действительно вкусно, – а также ягодное желе и мороженое. И все удивлялся: «Но как же, господин, волшебники должны плотно питаться. Откуда иначе у вас найдутся силы колдовать?»

А я невольно вспомнил, как жадно поела пирожные принцесса на балу... Словно впервые их увидела – что, конечно же, невозможно. Тем не менее Шериада оставалась стройной, если не сказать – тоненькой, – не то что Лавиния, обладавшая таким же аппетитом.

После обеда меня, сонного от сытости, проводили в якобы мою спальню – комнату с огромной кроватью. Нет, серьезно, я что, идиот и не понимаю, для чего она нужна?

– Ванна, господин? – напомнил Ори.

Я кивнул. Возможно, принцесса брезглива или просто решила дать мне понять, каково это – стать на вечер аристократом. Одна из дверей у шкафа вела в ванную – если так можно назвать залу с утопленными в полу пятью бассейнами. В углу по стене водопадом стекала вода

и исчезала где-то в шлюзе. Я сначала решил, что это для красоты, но потом заметил рядом мягкий табурет, серебряный ковшик и с десяток флаконов на стеклянной полке. Но зачем тогда бассейн?

Ори попытался помочь мне раздеться. Я отшатнулся, чем, похоже, изрядно его развеселил. Но Ори был воспитанным варваром (какой оксюморон!) и позволил себе только улыбку.

– Господин, если пожелаете, я пока приготовлю вам одежду для сна.

– Да, – выдохнул я.

Он кивнул на шнур звонка в углу:

– Если я понадобится, позовите меня, и я приду. И... господин, мне кажется, вы удивлены. Возможно, у вас ванну принимают иначе. Вам нужно сначала ополоснуться, – он кивнул на водопад, – а потом наслаждаться целебной водой: в каждом бассейне она разная. Здесь минеральная, – показал он на ближайший. – Там серная; запах сложно перебить, поэтому в нем цветы лаванды. Этот с железом. Не удивляйтесь, вода в нем рыжеватая. Вон тот, с пузырьками газа, хорош для массажа. А дальний – с кофе. Госпожа его очень любит, – закончил он волшебной фразой. И, поклонившись, наконец оставил меня одного.

Ванна с кофе! С кофе, разрази меня гром!

Она такая же, как все – кичится роскошью.

Но я должен изучить ее привычки, и лучше делать это одному, чем с ней, когда придется скрывать удивление и изображать удовольствие.

Однако... неплохо эти варвары устроились! У нас водопровод провели только в столицу, и то для Лавинии время от времени ванну слуги наполняют ведрами, потому что трубы вечно прорывает. А здесь глядите-ка – целая баня, да еще и с разной водой. Между прочим, откуда?

Через полчаса я обнаружил, что мне нравится серный бассейн, пусть вода в нем и кажется белой от взвеси, как молоко. С кофе тоже хорошо, но я все никак не мог отделаться от мысли, что это безумное расточительство.

Однако приятное, этого не отнять.

Спустя некоторое время в купальню заглянул Ори:

– Я принес халат, господин. Простите, мне следовало приготовить его заранее.

«Не привыкай, – напомнил я себе. – Ты все еще просто спутник».

Халат был теплым и темно-синим, как и ночной костюм, – конечно, варварский. Мы спим в сорочках. Но я молча посмотрел на него – к этому мне тоже нужно привыкнуть. Мне жить здесь, по крайней мере, неделю.

В спальне уже горел камин – странно, почему я не заметил его раньше? Из-за рамы, наверное. Сейчас ее отодвинули, и пламя весело плясало, облизывая чугунную решетку.

– Ваши волосы, господин. Их нужно расчесать. Вы позволите? – напомнил о себе Ори.

Он усадил меня за туалетный столик и принялся открывать ящики, наверняка специально показывая, где что лежит. Там был целый набор заколок для галстука: золотых и серебряных. А также запонки. И десятки перстней. Их роскошь ослепляла. Но и это еще не все: в специальном шкафчике нашлись цепи. Они казались толще женских, были изящно украшены драгоценными камнями, и я так оторопело уставился на них, что Ори счел нужным объяснить:

– Господин, в Нуклии маги это носят.

Может, я что-то не понимаю?

– Маги – это же волшебники, да, Ори? – Я расслабился после купания, иначе не решился бы спросить. – Шаманы?

– Шаманы, господин? – Ори осторожно водил щеткой по моим влажным волосам. – Простите, но мне не известно, что это такое. Волшебники творят магию. Эм... Чудеса?

Значит, шаманы. Если хоть половина историй про них правда – чудеса входят в их специализацию.

– Как госпожа, – добавил Ори.

Я озадаченно посмотрел на него через зеркало. Принцесса была похожа на кого угодно, но не на шаманку. Хотя я мог представить, как она отплясывает нагая в круге камней в полнолуние... Нет, пожалуй, это слишком. Она – племянница короля, и ее манеры пусть и экстравагантны, но для ее высокого положения безупречны. Нет, здесь что-то другое.

– А Нуклий – это на Большой Земле?

– Большая Земля, господин?

– За морем.

– Нет, господин. – Ори улыбнулся и отложил щетку. – Нуклий – это другой мир.

– Другой... что?

– Мир, господин. Простите, я полагаю, миледи вам все объяснит.

Ну да, конечно, объяснит. Так я и поверил.

Я оглянулся на постель и вздохнул:

– Желаете посмотреть гардероб, господин? – Ори прошел к шкафу.

Я кивнул, хотя уже устал удивляться.

Вся одежда – от сорочек до камзолов и брюк разных фасонов – была черной. Цвет короля и аристократов. Если меня увидят в этом в столице, примут за придворного. А потом, когда поймут, что ошиблись, – потащат в суд. И судя по договору, мне придется самому за себя отвечать.

– Ори, а нет ли костюмов серого цвета?

Он удивился:

– Нет, господин. Эти миледи выбирала сама. Вам не нравится? Но... черный – благородный цвет волшебников.

Если я услышу слово «волшебник» еще раз, у меня точно случится истерика.

– Хорошо, – выдохнул я.

– Что-нибудь еще, господин? Шоколад перед сном? Книги?

Интересно, если я попрошу его мне спеть, он так и сделает? Как далеко может зайти игра принцессы?

– Куда уехала госпожа, Ори?

– Не могу знать, господин. Быть может, в Нуклий.

Понятно. Наверняка она здесь и наблюдает за мной. Я огляделся, пытаюсь найти что-то вроде глазка в стене.

Впрочем, он, конечно, замаскирован.

– Господин?

– Все в порядке, Ори. Мне больше ничего не нужно. Спасибо.

Ох и поглумится он надо мной потом, когда игра закончится! За то, что ему пришлось мне служить.

Но сейчас он улыбнулся и, пожелав мне доброй ночи, вышел, затворив за собой дверь.

Ночь была какой угодно, но не доброй. Спать хотелось безумно, и под утро я все-таки заснул. А до этого устал щипать себя за щеки, чтобы не дать себе уснуть. Принцесса могла явиться в любую минуту. Я должен быть готов.

Но она не пришла. Меня разбудил Ори, осторожно заглянувший в дверь:

– Господин! Уже полдень. Подавать ли завтрак?

Я чувствовал себя разбитым и больным. Господи, да когда же этот фарс закончится?

На туалетном столике лежала записка:

«Прости, забыла вчера дать адрес твоей семьи».

Ниже действительно был адрес. И приписка:

«Возьми карету. И ради всего святого, не колдуй».

Я перечитал ее несколько раз и понял две вещи: принцесса действительно за мной следит, иначе откуда бы взялась эта записка? Но я не упущу шанс повидать мою семью. Даже если это игра. Хотя бы издали – я слишком долго не смел об этом даже мечтать.

Поэтому я, уже начав вживаться в новую роль, твердо приказал подать мне карету.

– Конечно, господин, – поклонился мне дворецкий, пришедший вместе с Ори.

Я все еще лежал в постели, мне было очень плохо и стыдно: по правилам следовало проснуться на рассвете и давно уже быть готовым, а я только глаза продрал, да к тому же отдаю приказы.

– Желаете завтракать здесь, господин? Принести вам кофе и газету?

Я тут же вспомнил графа, который каждое утро проводил за кофе и газетой.

– Нет, – торопливо выдохнул я. – Благодарю.

Я также попытался отказаться от завтрака. Несмотря на усталость, есть хотелось безумно; раньше голод удавалось не замечать, но не сейчас – или потому, что я волновался больше обычного, или особняк принцессы и впрямь был заколдован...

– Господин, как можно? – удивился дворецкий. – Вы же волшебник! Прошу вас, завтрак уже готов, это не займет много времени...

Они уговаривали меня вдвоем, снова как ребенка. А когда стало ясно, что я не соглашусь, дворецкий воскликнул:

– Хотя бы кофе!

И отчего-то побледнел, когда я попросил принести мне только воду.

Оказалось, вода стоит на прикроватной тумбочке, а я умудрился и ее не заметить. Ори готовил мне костюм, как настоящий камердинер, и мне стало интересно: кому он служит, когда принцесса не тащит в свой дом спутников? Глядя на меня, он грустно сказал:

– Господин, миледи рассердится, если узнает, что вы морите себя голодом.

Но она еще больше рассердится, если ее дорогостоящий спутник превратится в толстяка.

– Господин, на нас она тоже рассердится. Вам же плохо от голода станет, – добавил Ори.

Я заверил его, что не станет. Он молчал все время, пока я выбирал костюм – что-нибудь наименее кричащее, чтобы не очень бросаться в глаза. Но это было бесполезно: не только цвет, но даже ткани не оставляли на это шансов. Бархат, серебристый мех чернобурки, шелк... Ори еще попытался нацепить на меня одну из тех цепей из шкафчика на туалетном столике. «Но как же, господин! В Нуклии...»

И словно невзначай поставил передо мной фруктовую тарелку, пока причесывал. Половину из того, что было в тарелке, я раньше видел только на картинках, но, конечно, не стал пробовать. Честное слово, это было даже смешно. Если госпожа так хочет, пусть сама прикажет мне завтракать, а пока я буду действовать по своему усмотрению.

Карету действительно подали – без Королевского герба на этот раз, к счастью. Она стояла у парадного подъезда, и лакей открыл дверь еще до того, как я по привычке сам к ней потянулся.

Внутри было на удивление тепло. Я прислонился лбом к обшитой мягким бархатом стене у окна и закрыл глаза. Мне очень хотелось спать, и у меня болела голова.

В последний момент в карету забрался Ори. Он тяжело дышал.

– Простите, господин, я опоздал!

Я уставился на него, полагая, не слишком дружелюбно, потому что он отодвинулся подальше и сбивчиво объяснил:

– Я должен вас сопровождать, господин. Вдруг что-то понадобится?

– Госпожа приказала за мной следить?

– Сле... Нет, господин, что вы!

Я отвернулся к окну. Конечно, приказала. Не думал же я, что она так просто меня отпустит. Раз сама не может или не хочет со мной поехать и наблюдать, конечно, ей понадобится подробный отчет.

– Простите, господин, – повторил Ори.

Я покачал головой. Я не обвиняю его: он слуга, как и я. Все мы пляшем под дудку хозяев.

День выдался морозным и солнечным. Свежий снег сиял ярко, а холод просачивался в карету – или я дрожал от волнения? Руки в перчатках леденели, пока я бездумно смотрел на белые поля, и я не заметил даже, как Ори укрыл меня пледом. Но теплее от этого не стало.

Два года назад я оставил Тину и мать в съемном доме на северной окраине столицы в одном из бедных районов. На мамино имя с доверенностью на Тину был открыт счет в Королевском банке, куда переводились деньги. Наверное, мама распорядилась ими с умом, потому что адрес, который оставила мне принцесса, вел в один из благополучных, пусть и отдаленных от центра, районов столицы. К тому же рядом с художественной школой. Я боялся поверить, что все настолько хорошо.

– Господин, вы точно не голодны? Если пожелаете... – начал было Ори, но я смерил его взглядом, и он замолчал.

Что за одержимость едой у слуг принцессы? Не понимаю.

Кварталы среднего класса: торговцев, ученых, клерков, банкиров – не блещут роскошью, как поместья аристократов. Здесь все основательно, добротное и серьезно. Колеса кареты застучали по брусчатке – от снега дорогу здесь чистили. Блестели витрины магазинов, не украшенные ничем, кроме самого товара. Горели фонарями застекленные веранды ресторанов.

Из ателье, совсем не похожего на замок в миниатюре и, конечно, без лент, бантов и королевских звезд на стеклах – Лавиния сюда и ногой бы не ступила, – выпорхнула стайка девушек в одинаковых коричневых пальто. Двое из них несли рулоны ткани, третья – тонкий квадратный футляр едва ли не больше ее самой. А четвертая...

Четвертую я узнал.

Я оставлял Тину больным угловатым подростком. Ей было четырнадцать, но тогда она казалась младше года на три – так высушила ее болезнь. Она уже начинала задыхаться, а по утрам пылала, как печка, а потом шутила, что об нее можно греться – и нет нужды тратиться на уголь.

Сейчас ей было шестнадцать, она улыбалась, и ветер трепал золотые – темнее и, конечно, длиннее, чем у меня, – пряди волос, выбившиеся из-под ее шапки.

На дрожащих ногах я выбрался из кареты и прошел к ателье, глядя Тине вслед. Ее подруги о чем-то смеялись, и та, что с футляром, весело им размахивала.

Я смотрел, как она уходит, и понимал, что не смогу ее позвать.

Два года назад я оставил документы на кухонном столе – там их непременно нашли бы – и ушел раньше, чем мать спустилась готовить завтрак. Я не попрощался: они бы меня не отпустили. Мать сказала бы, что есть другой выход, что мы непременно его найдем.

Она ошибалась: выхода не было, чуда не случилось и нам никто не помогал, а Тина умирала. Что мне оставалось?

Налетевший ветер взметнул полу моего плаща, раскачал вывеску-ножницы на углу ателье и сорвал шляпку у одной из девушек. Они обернулись, все четверо, – и бросились ее ловить. Я застыл, поймав взгляд Тины.

Она действительно очень похорошела за эти годы. «От кавалеров, наверное, отбоя нет», – мелькнула странная мысль. Странная, потому что для меня Тина оставалась тем же угловатым подростком, младшей сестрой, которую нужно защищать.

Не отрывая от меня взгляд, она выронила завернутые в коричневую бумагу покупки – по тротуару покатались нитки, пуговицы, какие-то крючки. И направилась ко мне, сначала

несмело, словно сомневаясь, совсем забыв о подругах. А потом быстрее – и я уже не мог отвернуться и уйти, хотя знал, как это ее ранит.

Она бросилась мне на шею, а я ее обнял – иначе мы оба упали бы на тротуар. Да, Тина определенно за это время поправилась.

Мимо шли элегантно одетые дамы с кавалерами в темно-синем – цвет торговцев. Ори выглядывал из кареты и что-то говорил кучеру... Ветер мотал вывеску, и та опасно скрипела...

– Элвин? Это правда ты? Это же ты? – шептала Тина, обнимая меня. От нее по-взрослому пахло цветами – ландышами. И все так же – маминой выпечкой и красками. – Скажи что-нибудь! Скажи, пожалуйста! Скажи, что это ты...

– Это я.

– Тина? – Ее подруга с футляром – наверное, самая смелая – подошла и, хмуро глядя на меня, поинтересовалась: – Кто это?

Она видела молодого аристократа и Тину, бросившуюся ему на шею. Что она могла подумать?

– Он нашелся! – выдохнула сестра, оборачиваясь. По ее щекам текли слезы – Тина всегда была жуткой плаксой. – Мой бра...

Я успел зажать ей рот раньше, чем она договорила. И спокойно улыбнулся девушке. Я привык спокойно улыбаться в любых ситуациях.

– О, мы всего лишь друзья. – У меня получилось даже скопировать характерный капризный тон аристократа. Как же долго я среди них жил! – Мне захотелось увидаться. Тина, дорогая, вы разрешите довести вас до дома?

Она поймала мой взгляд и задрожала.

– Да... Мия... О, спасибо! – Мия отдала ей промокшие свертки. – Д-до завтра!

Я увлек сестру к карете, пока ее подруги, хмурясь, глядели нам вслед. И даже не сразу заметил, что Ори пересел к кучеру, оставив нас одних. Не ожидал от него такой тактичности.

– Элвин, что... что случилось? – Стоило дверце хлопнуться, вопросы посыпались из Тины градом: – Ты пропал так... Куда ты пропал?! Два года, Эл, два года от тебя ни весточки! Мама сказала, ты уехал... Ты сказал ей, но не мне, да? Куда ты уехал? Эл, ну скажи же!

Я по привычке подался вперед и прижал ладонь к ее лбу. Температуры не было.

– Тина, как ты себя чувствуешь?

– Я? Я как себя чувствую?! Ты не можешь вот так появиться и... – Она поймала мой взгляд и выдохнула: – Хорошо. Я не умираю больше, видишь? Успокойся.

Я откинулся на спинку сиденья и выдохнул:

– Ты поступила в художественную школу?

– Я поступила... Да! В колледж, у меня стипендия. Эл, почему ты на меня так смотришь? Что с тобой? Почему ты такой... холодный? Обними меня хотя бы!

Я не мог, я больше не имел на это права.

– Твои подруги подумают, что ты путаешься с аристократом, – сказал я вместо этого. – Прости меня.

– Да бог с ними! Эл, где ты был? Чья... чья это карета?

Я закрыл на мгновение глаза.

– Тина, у меня мало времени. Скажи, с мамой все в порядке?

– Да! Хотя она и выплакала все глаза, когда ты ушел. Как ты мог!.. – Она оборвала себя и уже тише ответила: – Она больше не шьет. Очень плохо видит. Но нам теперь и не нужно, потому что... Эл, я же твоя сестра. Скажи, откуда?..

Я стиснул зубы. Не хотел, чтобы она знала.

Но она сказала:

– Эта карета... твоей госпожи, да?

Я вздрогнул, и она неловко улыбнулась:

– Мать не говорила, ты же... ты же и ей не сказал, да? Но я же не дура. Откуда еще такие деньги?

Я отвернулся к окну. Я так мечтал увидеть ее... А сейчас больше всего на свете хотел исчезнуть.

Она заслуживает большего, чем брата-содержанца. В какое положение я ее поставил? Думаю только о себе!

– Прости.

– Прости? – повторила она. – Элвин, за что ты извиняешься? Ты что, стыдишься? Ты... – Я вздрогнул, когда она обняла меня снова. – Ты неисправимый... глупец! Посмотри на меня.

Я послушался. Я мог бы смотреть на нее вечно – такую здоровую, счастливую, настоящую. Наконец-то не на фотографии.

Но карета остановилась.

– Наш дом, – выдохнула Тина. – Эл, ты же... ты же выйдешь к маме?

– У меня мало времени, – повторил я.

– И ты снова исчезнешь на годы?

Она сама открыла дверцу, хотя стоило бы мне или лакею. А потом потянула меня наружу, к вышедшей на крыльцо матери.

Я не смог заставить себя остаться в карете.

Мама щурилась, в ее волосах прибавилось седых прядей. И она все еще носила белые полосы траура на щеках. Я невольно спросил, не по мне ли.

– Конечно, не по тебе, – тихо ответила она, обняв меня. – Естественно, я знала, где ты. Скажи, с тобой хорошо обращаются?

Я только кивнул. Она всегда была сдержанной, всегда казалась спокойной. Раньше я мог лишь предполагать, чего ей это стоит. Теперь я знал.

Она хотела пригласить в дом и Ори с кучером, но я солгал, что нас ждет госпожа. Я не мог оставаться надолго. Потом слишком сложно будет уходить.

Мама кивнула, как будто поняла.

Конечно, она умело распорядилась деньгами. Я всюду видел тому подтверждение: жили они с сестрой небогато, но хорошо. Добротный дом, пять комнат, садик и даже мастерская для Тины. Ярко горел камин, значит, деньги на уголь у них были.

Тина похвасталась, что ей уже делают заказы, и сунула мне свой альбом с эскизами: «Посмотри, как я теперь умею!»

Я же смотрел вокруг и чувствовал, что этот дом не мой. Я больше не часть их жизни. Не стоило мне приезжать.

Тина рисовала портреты. Ее альбом был полон набросков людей, разных: ее подруг, наверняка случайных прохожих, девочек, заглядывающих в окно кафе; дам, делающих заказ портнихе...

С последнего листа на меня посмотрела Шериада. В эскизе Тины она казалась старше, была одета как работница на фабрике – в дешевом пальто, вязаной шапке, ботинках вместо сапог. И взгляд – задумчивый, грустный.

– Тина, ты ее знаешь? – быстро спросил я.

Сестра склонилась над рисунком.

– Это? Хм... Ну да, вчера ее видела. Колоритная внешность, правда? Она спросила дорогу до библиотеки. А что?

Я покачал головой. Сердце кольнуло нехорошее предчувствие. Конечно, принцесса видела мою семью хотя бы на той фотографии, как это от нее скроешь? Но мне в голову не могло прийти, что она лично... Может, просто кто-то похожий?

– У нее был странный голос, – добавила Тина. – Я запомнила, потому что он действительно звучал так... Словно она не говорит, а поет. И акцент такой... Из провинции, наверное.

Я обратил внимание, что принцесса на портрете была без перчаток. Узкие, красивой формы руки с длинными музыкальными пальцами – их Тина нарисовала особенно тщательно. Их, лицо и выбившуюся из-под шапки черную прядь.

– Руки, да, – кивнула сестра, заметив мой взгляд. – Я хорошо их рассмотрела, потому что она поскользнулась, а я ее поддержала. Она, знаешь, схватилась за меня неудачно – за лицо. Меня от ее прикосновения буквально обожгло. Ох, Эл, я такая впечатлительная! А что? Ты ее знаешь?

– Нет.

Мама обняла меня напоследок. Прежде чем сунуть мне пирог, завернутый в промасленную бумагу.

– Не отказывайся. И пообещай нам писать. – А потом шепнула, снова обняв: – Это твой дом. Не забывай.

– Нет, – пробормотал я.

– Да. Всегда.

Тина тоже сунула мне маленький сверток.

– Потом открой. Я мечтала отдать это тебе, когда ты вернешься.

– Я не вернулся.

– Разве?

Это все-таки было больно – уходить. Они стояли на пороге, глядя мне вслед; я расцеловал обеих на прощание. Слезы горчили на губах.

«Не оборачивайся», – думал я. Я и не обернулся. Но меня словно толкнуло что-то, и вспомнился портрет принцессы, написанный Тиной. Что сделает с ними Шериада, если я ее огорчу? Словно по наитию – со мной такое бывало – я остановился и мысленно пожелал: «Пусть все у вас будет хорошо. Сказочно хорошо, очень удачно». Внутри будто струна натянулась, а перед глазами поплыли пятна. Мне почудилось, будто их дом накрывает сфера золотого света, а затем мигает и гаснет, но не исчезает, а будто становится невидимой.

А мне вдруг сделалось очень тяжело: голова закружилась, к горлу подкатила тошнота. Я дошел до кареты, кое-как забрался внутрь и там потерял сознание.

Сроду со мной обмороков не случалось.

В себя я пришел уже в поместье, на той роскошной кровати, якобы в моей комнате. Надо мной склонялся дворецкий с чашкой бульона, и бледный до синевы Ори маячил у него за спиной.

– Видите, господин. Вам следовало поесть, особенно если собирались колдовать. Зачем вы так? – сказал дворецкий.

Сил спорить не было.

На следующий день я от слабости не смог подняться с постели. Было страшно, что господа придет и увидит меня таким. Впрочем, и бояться я быстро устал.

Так прошла вся неделя. Меня очень плотно кормили, практически насильно. Если я пил бульон, то он обязательно был наваристый и густой, а мясо – его мне теперь подавали на завтрак, обед и ужин – непременно сочилось кровью.

– Может, врача? – несмело предложил как-то Ори.

Ответил дворецкий, ухаживавший за мной, как заботливая сиделка:

– Не поможет, и ты это отлично знаешь. Магическое истощение излечит только другой волшебник.

Удивляться сил не осталось. Может, оно и к лучшему: когда не спал, я читал книги принцессы. Они были даже интересными, если воспринимать их как сказку. А чем еще они могли быть?

В свертке Тины оказался мой портрет. На нем я изображен таким, каким был два года назад. Тогда я улыбался искренне и в моих глазах отражалась уверенность.

Сейчас же я попросил Ори принести мне зеркало, посмотрел – и положил портрет на прикроватную тумбочку. Теперь в моих глазах была только усталость.

Если принцесса за мной и наблюдала, ей, наверное, было дико скучно.

Она явилась ровно через неделю, час в час – в пять вечера. Конечно же, нашла меня в постели. Я думал, она расстроится: ведь ее дорогое приобретение уже сломалось.

Ха, расстроится! Ее аж перекосило.

– Как? – Она не кричала, но ее голос вмиг наполнил комнату, и задрожали даже стекла. – Я оставила тебя на неделю. Всего на неделю! Как ты умудрился высушить себя подчистую? – Она обернулась на Ори, замершего у стены: – Я же просила!

Ори немедленно рухнул на колени. Я опешил.

– Госпожа, его-то вины здесь нет, – вырвалось у меня.

Как и моей, но кого это волнует.

– Неужели? – Голос Шериады сочился теперь, как горький яд.

Бедный Ори продолжал стоять на коленях и со страхом ждать своего наказания, а я вспомнил слова принцессы: «Ты не хочешь меня злить». Что она сделает? Слуги ее явно боятся.

– Миледи, господин отказывался от еды, что нам было делать? – К Ори прошел дворецкий и встал рядом, словно защищая.

– Отказы... – Принцесса оглянулась на меня. И, судя по интонации, выругалась все на том же незнакомом мне языке.

«Сейчас я узнаю, как тут наказывают», – лениво думал я. Мне очень хотелось спать. Я смотрел на принцессу, а в голове звучало: «Ну давай, удиви меня».

Принцесса вздохнула. И сразу как будто сделалась меньше, перестала быть такой злой.

– Ори, встань ради всех богов. Я не сержусь.

Он поднялся, осторожно посматривая на нее. Его трясло.

– Правда не сержусь, – повторила принцесса. – Алекс, накрой в столовой, пожалуйста. Я от еды не откажусь.

Дворецкий поклонился:

– А господину принести?..

– На двоих накройте.

– Да, миледи.

– И оставьте нас.

Когда дверь за ними закрылась, принцесса обернулась и... Нет, не накинулась на меня с упреками.

Она спросила:

– Что, так все плохо?

– Все замечательно, госпожа. – Я закрыл глаза. – Вы еще не хотите прекратить эту игру?

– Какую игру?

– В которой у меня роль аристократа и волшебника, госпожа. – Я попытался улыбнуться. Думаю, получилось плохо, потому что она вздохнула и покачала головой:

– Нет никакой игры. Ты – волшебник, а волшебники – сливки нашего общества. Представь только, ты можешь призвать демона, который окрутит моего любимого дядю-короля. Естественно, ты сильнее его, не так ли?

– Простите, госпожа, я не понимаю.

– Ну конечно. – Она подвинула кресло к кровати и села. – Скоро поймешь. Книги ты, конечно, не читал.

– Я сделал все, что вы приказывали, госпожа. Я готов. Спрашивайте.

Она недоверчиво посмотрела на меня и усмехнулась:

– После ужина. Пожалуйста, расслабься.

Я откинулся на подушку – и мне уже было плевать, что она собирается делать.

Принцесса сняла изящные перчатки – на этот раз лиловые. Ее руки были ровно такие, как на портрете моей сестры.

А потом она положила мне ладонь на лоб:

Прикосновения я даже не почувствовал. Только тепло – как будто меня окунули в солнечный свет, и дышать сразу стало легче, а мигрень моментально прошла. Я поймал себя на том, что тяжело дышу и улыбаюсь.

Потом принцесса отняла руку, и все прекратилось.

– Вот так. Я буду ждать тебя в столовой через полчаса.

– Да, госпожа. – Мне было невероятно легко. Впервые за неделю слабость ушла.

Как она это сделала?

– Госпожа, могу я спросить?

Она остановилась у двери.

– Хочешь узнать, что я с тобой сделала?

– Вы видели мою сестру, госпожа. Могу я спросить зачем?

Шериада пожала плечами:

– Даже не буду уточнять, откуда ты знаешь. На твоей фотографии у нее чахотка. Я хотела узнать, здорова ли она. Было бы грустно, если бы ты приехал – а она умерла, правда?

Как будто за сутки ее можно было спасти!

– Да, госпожа. Вы узнали это по фотографии?

– Ну да. Я все-таки целитель. Если тебе интересно, то ее чахотку практически вылечили. Курс лекарств стоит огромных денег – ты же поэтому подался в спутники? Можешь не отвечать. И не беспокойся за сестру. Я забрала из нее остатки болезни. И зарождающийся остеохондроз. И порок сердца лет через двадцать. У твоей матери тоже. Зрение к ней вернется в течение месяца. Так нужно – или будет слишком большая нагрузка на мозг, если это произойдет сразу. – Принцесса устало потерла лоб. – Не волнуйся. Я ничего им не сделаю. И ты можешь видеть их хоть каждый день, я не против.

– Тогда дайте мне нормальную одежду, – вырвалось у меня.

– Нормальную? Чем эта тебя не устраивает?

– Черный – цвет короля, госпожа.

– Черный – цвет магии, Элвин.

– В Нуклии – да, госпожа, – об этом я уже прочел. – Но не здесь.

Она вздохнула:

– Хорошо. Признаюсь, я не знаток вашей цветовой системы. Поэтому моя дражайшая тетка так пялится, стоит мне надеть желтое? Это тоже что-то значит?

– Леди носят только белое, госпожа.

– Белое, – выплюнула она. – Цвет траура. Я носила его достаточно – больше не хочу. Но ты одевайся, как хочешь. Кто я такая, чтобы тебе указывать? Скажешь Алексу – и он достанет тебе одежду нужного цвета. Это все, что тебе нужно?

– Да, госпожа. Спасибо.

– Тогда жду тебя через полчаса в столовой.

Она ушла, а я впервые за неделю смог без помощи подняться с постели. Из зеркала на меня смотрел осунувшийся юноша с черными мешками под глазами.

И никакой косметики, конечно, в ящиках стола не оказалось. Значит, придется идти так.

Все-таки она сказала, что я могу ездить в столицу. Я посмотрел на свой портрет и улыбнулся – почти так же, как юноша на холсте.

Может, все еще будет хорошо?

Глава 4

Как бы ни следили за собой аристократки, образ жизни дает о себе знать. Невоздержанность в пище, увлечение сладким, редкие прогулки на свежем воздухе.

Когда ты ложишься под утро и встаешь к обеду, от теней под глазами избавиться невероятно сложно. После пробуждения ты выпиваешь кофе и съедаешь два-три пирожных, на завтрак закусываешь тортом, и хорошо, если на обед у тебя из сладкого только желе или пудинг, потому что ужинать ты будешь в гостях, где радушный хозяин выставит все деликатесы, какие успел приготовить его повар. При этом весь день ты сидишь – пока пьешь чай с семьей, потом пока едешь в карете и после – когда болтаешь с подругами. Хорошо, если выдастся солнечный денек и ты решишь прокатиться верхом, – хоть какая-то разминка. Даже бал не даст необходимой нагрузки: придворные танцы несложны и не требуют выносливости. Однако не раз и не два я видел, как дамы и их кавалеры выдыхаются после третьего, а иногда и второго тура. Хотя, казалось бы, что проще медленных поворотов и плавных шагов под музыку? Но – образ жизни сказывается.

Даже тоненькие красавицы годам к сорока расплываются и обзаводятся несварением – как наша королева, например.

Шериада была стройной, если не сказать тощей, и в пять вечера умудрялась оставаться свежей, будто только проснулась. И, конечно, я понятия не имел, сколько ей лет. Она вела себя со спокойной уверенностью зрелого человека, а выглядела не старше своей кузины Элизабет. И просто жить без эпатажа не могла.

В столовой, когда я вошел, она... жонглировала яблоками – кажется, пятью. Я удивился настолько, что замер в дверях, и лакей чуть не опрокинул на меня поднос.

– Элвин, наконец-то!

Когда принцесса обернулась, яблоки не разлетелись по комнате, а аккуратно улеглись на блюдо. Шериада с сияющей улыбкой указала на кресло слева от себя:

– Присаживайся.

Я выдохнул и заставил себя улыбнуться:

– Благодарю, госпожа.

Этикет требовал от спутника ухаживать за госпожой, то есть отодвинуть для принцессы кресло, потом положить в ее тарелку те закуски, которые она больше всего любит, и наполнить ее бокал. Прошла уже неделя, а я понятия не имел, какие у нее предпочтения, так что пришлось угадывать по взгляду.

Откинувшись на спинку кресла, Шериада смотрела, как я это делаю, с таким видом, с каким учитель в школе отсчитывает время до конца экзамена.

– Ты закончил? – поинтересовалась она минуту спустя. – Может быть, сядешь?

Я улыбнулся, ставя перед ней полную тарелку по меньшей мере с десятью видами салатов. Может, взгляд принцессы метался по столу от раздражения, и я снова оплошал?

– Да, госпожа.

Пришлось забрать у удивленного дворецкого графин с лимонадом, чтобы налить его принцессе. Я только сейчас понял, что пустых бокалов на столе нет – только хрустальные стаканы с водой.

Они завибрировали – тонкий, пугающий звук. Лимонад булькнул и вскипел, и я чуть не выронил графин, но дворецкий вовремя забрал его у меня. Я испуганно посмотрел на принцессу.

– Сядь! – Голос Шериады заставил нас обоих подскочить. – Немедленно!

Она умела голосом не только очаровывать, но и пугать до смерти. В буквальном смысле – позже я увидел, как от одного ее звука люди умирали. Не помню, как я оказался в кресле, но в то же мгновение посуда перестала дрожать.

Принцесса выдохнула.

– Не стой между мной и ужином! – отчеканила она. – Никогда.

И принялась за еду. Клянусь, Лавиния уплетала свою любимую сырную запеканку с меньшим аппетитом!

Я старательно улыбнулся и осторожно взял стакан с водой. Пришлось сосредоточиться, чтобы руки не дрожали, и напомнить себе, что нужно оставаться спокойным. Это было странно: раньше со мной такого не случалось. Я ненавидел многое в жизни спутника, но чтобы бояться – нет, никогда. Не было в капризах очередной госпожи ничего, о чем я еще не знал или хотя бы мысленно не примерил на себя. Вдобавок даже у аристократов существовали рамки дозволенного.

От принцессы веяло безумием. «Ты не хочешь меня злить», – снова вспомнилось мне. Что же она сделает, когда разозлится? Слуги ее боятся...

Тем временем Шериада положила вилку на край тарелки. Я немедленно поставил стакан на стол и приготовился встать. Сейчас ей надоест эта игра, и она захочет, чтобы не слуги, а спутник ухаживал за ней: подавал ей блюда и подливал напитки. Вообще-то, это было в порядке вещей.

Принцесса поймала мой взгляд и улыбнулась. Теперь ее голос звучал нежно и без малейшего намека на недавнее раздражение.

– Элвин, прости. Я не должна была повышать на тебя голос. Прости, пожалуйста.

Улыбка дрожала у меня на губах. Чего она хочет? Зачем извиняется?

Все это напоминало незнакомый танец, в котором вел не я.

Не дожидаясь ответа, Шериада перевела взгляд на слуг.

– Алекс, пожалуйста, унесите вино. И оставьте нас.

Лакеи с поклоном развернулись к дверям. Ори бросил на меня взволнованный взгляд, и мне даже показалось, он попросит позволения остаться. Но, конечно, он ушел следом за остальными.

Только дворецкий, замешкавшись, спросил:

– Миледи, что прикажете подавать на десерт? Сейчас или позже?

– Подадите через полчаса, я вас позову. – Шериада нахмурилась: – Мой шоколад ведь уже привезли?

– Конечно, миледи.

– Вот и прекрасно. Подайте еще ягоды и... Ах да, дыни! На кухне должен появиться демон из низших... Этот, как его... – Она помолчала, потом вздохнула: – Не помню. От лорда Витрэ. Принесет пять дынь. Пять! Ровно. Если этот... нехороший... нечеловек снова скажет, что умеет считать только до четырех, потому что когтей у него всего четыре, передай, что я лично пришью ему по два пальца за каждую недостающую дыню.

Дворецкий выслушал все это не моргнув и глазом.

– Да, миледи.

«Дыни, – думал я. – Это что-то знакомое. Это фрукт? Или ягода? Кажется, она росла еще до Потопа... Я точно о ней читал».

Стоило Алексу закрыть за собой двери, Шериада встала. Я, конечно, поднялся следом.

– Сядь, – бросила принцесса, забирая мою пустую тарелку. Потом пристально взглянула – и пошла вокруг стола, наполняя ее салатами. Больше всего она положила ветчинных рулетиков с сыром – и я действительно их хотел. Но есть с госпожой – это... это как сидеть, пока она за тобой ухаживает.

И все же я сидел – ведь она приказала.

Шериада поставила передо мной тарелку:

– Ешь.

Я проголодался, это правда, но на тарелке одних закусок было больше, чем я обычно съедаю на ужин.

– Да, госпожа.

Это ее блажь, не иначе. Она все забудет к следующей перемене блюд. Интересно, она прогнала слуг все-таки для того, чтобы я служил ей? Супница и блюдо с жарким стояли на сервировочном столике у стены. Не сама же она будет их раскладывать?

– Ты, должно быть, безумно голоден, – снова сев в кресло, заметила принцесса.

Я улыбнулся. Все-таки на еде у нее пунктик. Я должен был это понять еще по тем пирожным на балу. Как ей удастся оставаться такой стройной?

– Нет, госпожа. Вовсе нет.

– Не лги мне. Ты голоден. И специально себя ограничиваешь. Почему?

Она замолчала и снова принялась за еду. Я наблюдал. Стоит запомнить, что ей нравятся кабачки.

– Но, госпожа, я вовсе не...

– Солжешь мне еще раз – и очень сильно об этом пожалеешь. – Голос она не повышала, но я похолодел и закашлялся.

Она молча смотрела на меня и ждала.

– Госпожа, простите, но если я буду неводержан в еде, я потолстею. Вам не понравится.

Она смотрела на меня пару мгновений, потом рассмеялась.

Кажется, я покраснел. А принцесса вернулась к еде.

– Не бойся. Это совершеннейшая глупость: толстых магов не бывает. Бывают худые маги, даже тощие. Но толстеть мы не умеем. Колдовство тянет из нас силу, а еда прекрасно ее восполняет. Ты наверняка чувствуешь голод в этом доме сильнее, чем раньше? Это оттого, что

здесь на каждом шагу заклинания. Ты не колдуешь, но закрываться от них еще не умеешь, и они, выражаясь вульгарным языком, сосут твою энергию... Ты меня понимаешь?

– Нет, госпожа, – честно признался я.

Она вздохнула:

– Хорошо. Тогда сделаем так: я приказываю тебе есть досыта. И не пытайся солгать, что ты уже сыт. Обмануть меня невозможно, ты очень скоро это поймешь. Я ненавижу ложь. Обо мне думай все что угодно, это твое дело. Но лгать не смей.

– Да, госпожа.

Она потеряла переносицу.

– Как-то у нас с тобой не складывается. Элвин, я не хочу тебя пугать, но если продолжишь в том же духе, ты себя убьешь. Во дворец я тебя не повезу: до тебя там доберется мой чудесный кузен, а он еще безумнее меня. Поэтому, пожалуйста, делай, как я говорю.

Я поймал ее взгляд и улыбнулся как мог очаровательно.

– Конечно, госпожа. Все, что пожелаете.

– Я желаю, чтобы ты ел. И раз уж разговор зашел об этом, я хотела спросить: ты фехтуешь?

Пожалуй, задай она этот вопрос раньше, в первый день, я бы удивился. Сейчас я просто ответил:

– Госпожа, всех мальчиков из низшего сословия учат обращаться с клинком и мушкетами на случай, если начнется война. Это обязательная часть школьной программы.

И чтобы ее сдать, мне приходилось буквально не спать ночами: работу на фабрике никто не отменял и библиотечные книги нужно было вернуть в срок.

– Но войны не было уже лет пятьдесят, – нахмурилась принцесса. – Или я что-то путаю?

– Сорок восемь, госпожа. Но прошлый раз мы чуть не проиграли, лишь народное ополчение спасло Остров. Поэтому нас учат фехтованию.

– И мушкетам. Я поняла. – Шериада задумчиво покатала по пустой тарелке (когда она успела все съесть?) последнюю горошину. – Каким клинком ты владеешь?

Вопрос поставил меня в тупик.

– Шпагой, конечно. Как говорил школьный наставник, ее даже идиот освоит, а с мечом вы попробуйте еще попляшите. Он имел в виду, конечно, полутораручный.

– Бастард, – кивнула Шериада, услышав мой ответ. – Полагаю, под полутораручным мечом ты имел в виду его? Что ж, значит, только шпага... А кинжал?

– Госпожа, это было почти пять лет назад. Кинжал... – Я запнулся. Кинжал наш наставник почему-то не жаловал. – Нам показывали, но...

– Ясно. Я найму тебе учителя фехтования. Тебе нужен партнер по меньшей мере твоего роста, значит, я не подойду. К тому же будет печально, если я прибью тебя ненароком.

Я улыбнулся на этот раз свободнее. Конечно, она шутит: даже в плохие для Острова времена женщины не брались за оружие. Ни один мужчина этого не потерпит, это просто... Как надеть брюки.

Впрочем, в брюках Шериаду я как раз видел.

– Как прикажете, госпожа. Но могу я спросить, зачем?

Может, у нее фетиш – чтобы мужчина обязательно фехтовал. Знал я капризы и почуднее.

Шериада бросила на меня косой взгляд и пожала плечами:

– Поверь, пригодится. Мне казалось или ты сказал, что читал те книги, которые я оставила?

– Да, госпожа, читал.

– И каков главный закон в Нуклии?

– Сила. – Когда я это прочел, то невольно подумал, что у нас так же. У аристократов есть деньги, при необходимости они покупают наемников, и сила экономическая становится физической. Юридическая тоже имеется – в суде к высшему сословию прислушиваются охотнее, чем к беднякам.

Шериада, когда я ответил, покачала головой:

– Нет, не так же. Ты понимаешь это абстрактно, а нужно прямо. Важнее в Нуклии тот, кто колдует лучше. Дело в магии – этой переменной в твоём мире нет. Представь, что ты щелкнешь пальцем, и на Большую Землю сойдет могучая волна. Как тебе?

Я возразил, что сначала эта волна смоем Остров. Не так уж далеко от нас до Большой Земли.

Принцесса улыбнулась:

– Верно. Хорошо, что ты это понимаешь. Я сотни раз видела, как идиоты-ученики сначала создают волну – а потом сами же в ней и тонут. Но давай пофантазируем. Итак, на твой Остров надвигается вражеская армия. Ты владеешь магией. Что ты сделаешь?

– Любой магией, госпожа? В сказках для колдовства нужно пойти к волшебному источнику...

– Никуда не нужно идти. И да, любой, на какую тебе воображения хватит.

Я задумался. Шериада сама поставила на стол супницу – совершенно без усилий. И взглядом запретила мне вставать. Потом, словно всегда это делала, разлила по тарелкам суп.

– Я бы свел с ума их шаманов, госпожа. Варварские воины, насколько я знаю, почитают их как богов. Если шаман будет подчиняться мне, война будет выиграна.

Шериада хмыкнула:

– Неплохо.

– Спасибо, госпожа. А что бы сделали вы?

Она подняла брови – похоже, не ожидала вопроса.

– Я? Я бы пообещала убить каждого второго их ребенка, включая сына военачальника, если в течение суток они не сложат оружия. И я бы пустила слух об этом в их столице. А потом наслала бы на их детей сон. Не смертельный, нет – зачем? После того как их дети заснут, а родители испугаются, война будет выиграна.

– Но, госпожа, они могут пожертвовать детьми. Вы не знаете, они варвары и...

Шериада улыбнулась, и я замолчал.

– Варвары – понятие относительное. Для них варвары – вы. Человек не будет жертвовать своим ребенком, если на кону всего лишь победа. Их военачальник тоже это понимает. Понимает он и то, что его народ взбунтуется, решит он упорствовать. Не нужно улыбаться, Элвин, я так уже делала. И детей мне ни разу убивать не пришлось.

Улыбка исчезла с моего лица, но я вовремя спохватился. Она же это несерьезно.

Принцесса тихо рассмеялась.

– Какие разговоры мы с тобой ведем за ужином! Где мои манеры? Брат уже ворчал бы на меня сейчас.

– У вас есть брат, госпожа? – вырвалось у меня.

Ее улыбка сделалась расслабленной, мягкой. Она его любит, этого брата.

– Да, старший. Лэйен. – Она поймала мой удивленный взгляд и усмехнулась: – Матери у нас разные. Ты же знаешь, что моя сбежала отсюда, когда ей было двадцать?

– Сбежала? Госпожа, Ее Высочество пропала без вести.

– Сбежала. Она отправилась в другой мир, вышла замуж за отца Лэйя и родила меня.

– Значит, она жива, госпожа? Его Величество, наверное, счастлив.

Принцесса покачала головой:

– Нет, она погибла, когда мне было одиннадцать. Она и отец, и вообще все, остались только мы с Лэйем. А Его Величество постоянно путает меня с ней. Старик уже заговаривается.

Элвин, давай сменим тему. Про Лэйя я могу говорить сколько угодно, но ты его не знаешь. А мать... Она была злобной стервой, и я не хочу ее вспоминать.

Я чуть не поперхнулся. Отношения в семьях, конечно, разные, но родителей у нас чтили все, даже аристократы. Чтобы про мать вот так?..

– А у тебя, похоже, было счастливое детство, – заметила Шериада, и я замер. – Но мы отклонились от темы. Мы обсуждали силу. Маги в Нуклии, конечно, не всесильны, но... могут очень многое. Именно поэтому магический потенциал очень важен.

– Да, госпожа. Поэтому Повелителем становится самый могущественный волшебник. – О правителях, или, как их называли, Повелителях, в книгах тоже было. Пожалуй, по логике мира, где сила определяет все, передача власти не по наследству оправдана. Но понять это мне оказалось тяжело. У нас власть передается от отца к сыну, конечно. Как же еще обеспечить преемственность?

Шериада усмехнулась:

– О, ты прочел и про Повелителей. Прекрасно. Сиди, я сама способна управиться с мясом. Ты – мой гость, Элвин, что бы ты себе ни думал.

Гостям не отдают приказы – вот что я думал. Но, конечно, не спорил.

– И кто же нынче правит Нуклием? – поинтересовалась принцесса, закончив раскладывать свинину в клюквенном соусе.

– Королева Сиренитти. – Я прикрыл глаза, вспоминая. Писали о ней много, но, как часто бывает, когда речь идет о правителях, уж очень пространно. – Она взошла на трон в тринадцать лет.

Шериада кивнула.

– Что еще помнишь?

Я спохватился, что ем уже третий кусок мяса – привычка принцессы обедаться оказалась заразной.

– Она правит до сих пор. У нее... кажется, есть сын. Получается, он не унаследует трон, госпожа?

– Нет, он полукровка. Наполовину демон. Повелители Нуклия всегда женятся или выходят замуж за демонов. Между прочим, почему? – Шериада выжидающе смотрела на меня.

Это было проще, чем вспоминать про королеву Нуклия.

– Потому что страна демонов, Лион – единственный соперник Нуклия. Политический брак – необходимое условие мирного договора.

– Правильно. Только Лион не страна, а мир.

– Как Нуклий, госпожа?

– Не совсем... Про Повелителя Лиона ты тоже читал?

– Немного, госпожа. Его зовут Руадан, и он сделал брачное предложение Повелительнице Нуклия, но она его отвергла. Я не совсем понял почему. Она боится потерять власть? Ведь он тогда будет править обеими странами... Простите, обоими мирами.

– Не совсем. То есть да, будет править, но не потому, что он мужчина. Он – демон, – Шериада улыбнулась: – Половая принадлежность для демонов относительна.

Я попытался это представить, но не смог. Однако у меня был другой вопрос: если вообразить, что все, о чем мы говорили, существует, то...

– Госпожа, а что насчет людей? Как я понял, в Нуклии они тоже живут. Но если у них нет магии, то...

– То они рабы, – кивнула принцесса. – Но не как спутники. Вы осознаете себя. В Нуклии же многие волшебники – менталисты. Заставить человека обожать тебя – что может быть слаще?

– Это страшная сказка, – вырвалось у меня.

– Ты даже не представляешь насколько... И еще страшнее от того, что это – никакая не сказка... В любом случае так было раньше. Сейчас многое изменилось. В статье про Повелителей было что-нибудь про восстание Черных рыцарей?

– Нет, госпожа.

– Ну и оставим пока эту тему. Расскажи мне про сам мир... Хотя погоди. – Шериада улыбнулась: – Как насчет десерта?

Нуклий – другая стра... Хорошо, сказочный мир. Он был эклектикой во плоти. Сборная солянка, как сказал бы Рай: он ненавидел эти «господские» слова. Маги пришли в Нуклий из других миров – в книге их называли Средние.

– Почему? – спросила Шериада, когда мы поужинали и были уже в библиотеке. И указала мне на доску: – Нарисуй.

В книге Средние миры напоминали круг – как глобус, только каждый миллиметр составляли шары поменьше – другие миры. Смотрелось красиво даже на моем рисунке. Только для той самой Бездны, которой ругалась Шериада, места не нашлось. Я попробовал изобразить тень, но все равно казалось, что это не то. Бездну сложно представить, я даже сейчас не знаю, существует ли она. В Нуклии верят, что это пространство между мирами, куда уходят мертвые. Бывает, исчезнет целый мир, и тогда говорят, что он провалился в Бездну. Но это похоже на фигуру речи. Еще говорят, что Изнанка Нуклия, она же его тень, – это часть Бездны, но та же Шериада с этим не согласна, а кому еще знать, как не ей?

По полюсам рисунка я расположил Нуклий и Лион.

– Ты понял, почему именно... Как ты сказал? По полюсам?

Об этом в книге ничего не было, и я покачал головой. Шериада взяла у меня мел.

– Потому что магия – энергия особого рода. Она пронзает миры, как магнитные поля... Вы проходили это в школе?

– Да, госпожа.

– Хорошо. Продолжая твою аналогию с полюсами...

В Нуклии и Лионе наружу вырывался источник... нет, не так – Источник, с заглавной буквы.

– Это – магия во плоти. Представь энергию – огромный... м-м-м... взрыв.

– Госпожа, мне кажется, вы ошибаетесь. Взрыв не совсем...

Она отмахнулась:

– Знаю. Но и магия, знаешь ли, «не совсем». Это похоже на золотой туман, очень густой, сконцентрированный в одном месте. В Нуклии даже слабые маги становятся сильными, потому все туда и стремятся.

– Но госпожа, почему тогда никто не селится у Источника? – Я указал на карту, которую только что нарисовал по памяти. – Здесь в округе нет ни одного дворца. Даже дворец Повелителя располагается намного западнее.

– Потому что, когда находишься рядом, ощущения такие, как будто ты попал в самый центр взрыва. Мы все же люди, Элвин. Наши тела не выдерживают такого напряжения.

Шериада помолчала, посмотрев на мою карту.

– Ты не изобразил ни одного моря. Почему?

Морей в Нуклии не было. Только реки, и текли они из Источника, поэтому даже земля этого мира была отличным артефактом... Что бы это ни значило.

Закончили мы с опросом за полночь. Принцесса осталась довольна.

– Молодец, не ожидала. У тебя хорошая память. Ты еще не открыл счет в банке? Предпочитаешь наличные?

Или принцесса собиралась играть до последнего, или и правда не шутила.

– Счет, госпожа. Если вы позволите.

Она выписала чек. Сумма на нем заставляла меня думать, что это все же шутка. Хотя... такими деньгами не шутят.

Забавно, а ведь даже я начал верить, что этот таинственный Нуклий существует. Где-то там, далеко от меня и Острова.

– Госпожа... вы очень щедры.

– Разве? Ты хорошо поработал. К тому же можешь считать это компенсацией за моральный ущерб: ты все-таки здесь не по своей воле. – Она вздохнула.

Ага, значит, так это теперь называется.

– Элвин, прошу, не колдуй больше, – сказала она напоследок. – Ты еще не знаешь законов магии, для тебя это может быть опасно. Даже с твоим потенциалом... Особенно с ним.

– Госпожа, я не...

– Ты пожелал защитить свою семью. – Она не спрашивала, а я вдруг вспомнил ту золотую сферу, которая мне почудилась над домом мамы и Тины. Нет, конечно, это были галлюцинации. А принцесса просто удачно предположила. – Я понимаю, – продолжала она. – Я сама бы сделала так же. Нет ничего важнее семьи. Но... Клянусь, тебе не нужно за них бояться. А вот за себя стоит. Аккуратнее.

Я на всякий случай пообещал.

– Тогда спокойной ночи. Если повезет, ты сам скоро все увидишь.

Она отвернулась и принялась собирать книги. Я бросился было помогать, но она покачала головой:

– Иди спать, Элвин. Время позднее. А мне еще нужно работать.

– Я могу еще что-нибудь для вас сделать, госпожа?

– Нет, не можешь. Пока... надеюсь.

– Госпожа, вы не хотите?.. – Я должен был предложить. Все эти книги были игрой, но я все еще оставался спутником, и, разумеется, мы оба об этом помнили.

– Что?

Она нахмурилась и шагнула ко мне. Я решил, что это приглашение.

Ее губы казались мягкими и сладкими от шоколада – она пила его все время, пока обсуждала со мной этот Нуклий. Но в остальном это было, полагаю, как целовать статую. Она не пошевелилась и не пустила меня дальше. А потом отодвинулась и запрокинула голову – я действительно был намного ее выше, хотя мой рост для мужчины – средний.

– Ты этого не хочешь.

– Неправда, госпожа. – Возможно, она из тех, кто любит уговоры? Кого нужно добиваться?

– Не лги мне, – мягко напомнила принцесса. И, встав на цыпочки, сама меня поцеловала – очень целомудренно, в щеку. – Я не беру силой. Никогда. Ты очень красив, Элвин, ты мне нравишься, и, возможно, в другом мире и в другое время все было бы иначе. – Она вздохнула: – Иди спать. И не забивай себе этим голову, ты здесь не для того, чем занимался раньше.

– Неужели для игры в волшебника, госпожа? – Я сразу же пожалел, что сказал это, но она только рассмеялась.

– Да, Элвин. Для игры.

Ночью мне снился Нуклий – и неудивительно, мы столько о нем говорили! «Этот мир в равной степени красив и опасен», – обмолвилась Шериада. Я видел траву, зеленее, чем на Острове. Я видел небо, розовое («Оно чаще розовое, чем синее; это из-за Источника»), на котором не было солнца. И водопад – тот самый, Алый, вода в котором густая и красная, как кровь. Его брызги оставляли бурые следы на моей черной куртке.

Во сне на коне бок о бок со мной ехала девушка. Я смотрел на нее против света и не видел лица, но знал, что она очень красива. И дорога мне. Ее голос казался мне волшебнее, чем голос Шериады.

– Мне жаль, что тебе приходится выбирать, Элвин. Но в нашем мире так всегда. Скажи, кого ты выбрал?

– Тебя, моя королева. – В Нуклии нет местоимения «вы» в единственном числе. Даже к королеве обращаются на «ты». И я повторил: – Тебя.

Она улыбнулась, а я почувствовал горечь. Не знаю отчего. Может, горчила вода в водопаде. Или мои слезы – я проснулся весь в поту, и лицо тоже было мокрым. Не знаю, что со мной было.

– Я же просила не колдовать, – сказала наутро принцесса. – Тем более – звать вещие сны. Идиот, ментальная магия – высший пилотаж, куда ты лезешь...

Она, похоже, встала не с той ноги.

– Простите, госпожа.

– Зачем ты извиняешься? Это мне стоило... Не знаю, не вешать же на тебя щит? Совсем ведь загнешься. Иди сюда. – Она снова положила мне на лоб свою руку. На этот раз ее ладонь обжигала. – Что тебе снилось?

– Королева, госпожа. Королева Нуклия.

– Да? И как она? – спросила она равнодушным голосом.

– Очень красивая, госпожа. – И я ее любил. Как этот сон мог быть вещим?

– Ну, с королевами такое случается... Королевы просто обязаны быть красивыми, не так ли?

Наверное. Говорили, наша королева тоже когда-то была красива. Теперь от ее красоты не осталось ничего. Располневшая, морщинистая женщина. Ей не помогала даже косметика. Дамы на ее счет проходились без всякого пиетета: Ее Величество происходила из обедневшего рода, и защитников, кроме короля, у нее не было.

– Алекс, мой шоколад готов? – недовольно поинтересовалась Шериада. Шоколад она, очевидно, обожала и могла пить на завтрак, обед, ужин, а также обязательно перед сном.

– Да, миледи. С перцем. Добавить ли сливки?

– Сливки в шоколад с перцем? Алекс, у тебя ужасный вкус.

– Как скажете, миледи.

Шериада прикрыла глаза и откинулась на спинку кресла, обнимая руками напоминающую бочонок кружку. Судя по всему, принцессу мучала мигрень: Ее Высочество характерно морщилась и все время тянулась потереть виски.

– Алекс, я слышала карету, когда шла в столовую. У нас гости?

Дворецкий поклонился. Слуги здесь кланялись часто, как я заметил, – к месту и не к месту.

– Миледи, приехала ваша кузина, Ее Высочество принцесса Элизабет. Но вы упоминали, что никого не хотите видеть. Принцессе было сказано, что вы не принимаете. Однако она намерена ждать в холле, пока вы ее не впустите.

Мой собственный чай вдруг сделался невероятно горьким. Вот все и возвращается. Сейчас игра на время прервется или совсем закончится – а я уже начал к ней привыкать. Меня одолжат по-родственному или вовсе подарят, от Шериады и этого можно ожидать. Сегодня она не в духе, а дамы, когда их мучает мигрень, становятся капризны и редко поступают обдуманно.

– Господин, попробуйте творожный десерт с ягодами. – Ори, наверное, заметил перемену в моем настроении и решил отвлечь. Или подсказать, что мне стоит быть сдержаннее. Я все больше проникался симпатией к этому юноше. Может, в будущем нам удастся подружиться?

– О да, попробуй, Элвин, это вкусная штука. – Принцесса тоже посмотрела на меня. – Нет, Ори, сегодня я ее не хочу. Спасибо.

– Миледи, ваша кузина? – напомнил дворецкий.

– Моя кузина, – тоном «как вы мне все надоели!» пробормотала принцесса. – Пригласите ее, Алекс. И приготовьте третий прибор. Между прочим, этот демон дыни-то вчера принес?

– Да, миледи. Все в порядке.

Принцесса кивнула, отпуская его, и, ни к кому не обращаясь, хохотнула:

– О как! Стоит только раз надрать задницу – и сразу все считать учатся. Элвин, а ты пробовал дыни?

– Нет, госпожа. Это ягода?

– Да хоть овощ, но невероятно вкусный. Нет, это фрукт. Я люблю его со сметаной, но со взбитыми сливками тоже ничего... – О еде принцесса могла рассуждать, похоже, вечно. Признаюсь, половину я прослушал. – ...поэтому запекать их в бисквитном тесте не стоит, – тем временем говорила Шериада. – Мякоть растворится и... О, здравствуй, Бэтси! Какой сюрприз. Сядь, пожалуйста: Элвин у нас очень вежливый, он завтракать не будет, пока ты не сядешь.

Я действительно встал, когда принцесса вошла. И взгляд Элизабет тут же прилип ко мне – взволнованный и внимательный. Как будто она смотрела на потерянную недавно дорогую фарфоровую вазу и искала на ней сколы и трещины.

– Кузина, я не чай пить к тебе приехала. – Голос принцессы срывался. Странно, с Лавинией она всегда говорила ровно и спокойно.

– Но застала меня за завтраком, поэтому будь добра, – Шериада кивнула на пустое кресло.

Я отодвинул его для принцессы, и та, прежде чем сесть, сжала мое запястье. Ее рука дрожала.

Шериада сделала знак дворецкому – тот наполнил бокал Элизабет лимонадом и подал творожный десерт. Принцесса брезгливо дернула щекой.

– Кузина...

Шериада посмотрела на нее взглядом больного человека, которого все вокруг страшно злят.

– Отдай мне Элвина! – Голос Элизабет на моем имени сорвался, и она торопливо схватила бокал с лимонадом, чуть не выплеснув его на свое роскошное утреннее платье. Я привык отмечать такие вещи и сейчас заметил, что принцесса сегодня нарядилась. Шелк, жемчуга и вышивка золотой нитью по лифу. Она даже казалась почти красивой.

Шериада смотрела на нее и вежливо улыбалась, как будто ждала продолжения. Невозможно было поверить, что они – близкие родственницы. Сдержанная и тихая, Элизабет совсем терялась в обществе чудаковатой кузины.

Так ничего и не дождавшись, Шериада повернулась ко мне:

– Элвин, я прошу прощения за слова моей кузины. Надеюсь, они тебя не обидели. – После чего, не дожидаясь моего ответа, повернулась к кухне: – Бэтси, дорогая, не позорься. Элвин – не вещь, его нельзя отдать. Попробуй суфле. Оно не ядовитое.

Элизабет вспыхнула:

– Он же спутник!

– Больше нет. – Шериада прижала палец к виску и поморщилась от громкого вскрика Элизабет.

Шериада повернулась ко мне. Я растерянно посмотрел в ответ.

– Элвин, если захочешь уйти, я тебя держать не буду. Но только если захочешь, – добавила она.

Повисла тишина. Элизабет смотрела на меня, как голодная собака на кость. Ее кузина без аппетита расправлялась с омлетом.

– Бэтси, милая, – когда молчание затянулось, промолвила Шериада, – если у тебя все, а завтракать с нами ты не намерена... К выходу тебя проводят.

Элизабет немедленно вспыхнула снова – и это совершенно ей не шло.

– Ты... – выдохнула она, глядя на Шериаду и дрожа всем телом. – Ты мне его отдашь!

– Я не могу отдать тебе того, чего у меня нет. Уходи, Бэтси. Ты портишь мне аппетит и утро, а я и так плохо себя чувств...

Она не договорила: Элизабет бросила в нее бокал. Лимонад веером разлился по столу, а бокал чудом пролетел мимо Шериады: в последний момент она плавно уклонилась, и он разбился у стены, достаточно далеко от того места, где стояли лакеи.

– Ты еще ногами потопай, – вздохнула госпожа. – Элизабет, не позорься.

– Ты... – Принцессу трясло. – Ты думаешь, что появилась здесь – и тебе все можно, да? Все можно?! – Она захлебнулась воздухом, а Шериада рассмеялась:

– Да, именно так я и думаю. Потому что это правда.

– Нет! Да лучше бы... Лучше бы ты никогда не появлялась!

Повисло молчание. Принцесса тяжело дышала, а Шериада скучающе ее рассматривала.

– Семья превыше всего, – повторила она. – Бэтси, пошла вон.

Я вскочил: давно следовало вмешаться.

– Госпожа, позвольте проводить принцессу к карете?

Шериада пожала плечами:

– Как хочешь.

Я подхватил Элизабет под локоть и мягко подтолкнул к двери. Она пошла, как механическая кукла, все время оглядываясь на кухню и бормоча оскорбления. Шериада не обращала на это ровно никакого внимания – ее куда сильнее интересовал выбор между овсянкой с апельсином и суфле с миндальным кремом.

Я видел, что Ори отправился за нами следом, хотя Шериада ему ничего не приказывала. Но, может, раньше? Может, в его обязанности действительно входило следить за мной? В любом случае он следовал в отдалении, но я был ему рад, потому что поместье принцессы – лабиринт, а за неделю болезни я, естественно, как следует его не изучил и рисковал заблудиться.

Стоило нам повернуть за угол, как Элизабет набросилась на меня, как голодная кошка. Все же что-то похожее с кухней у нее было – эта необузданность. Но Элизабет хотя бы старалась держать себя в руках.

Она целовала меня и шептала:

– С тобой хорошо обращаются? Элвин, скажи! Ты исчез, ходили слухи... Я ничего не знала, а кухня вернулась только вчера, я не могла приехать раньше, прости меня, прости...

Я осторожно высвободился. Она запнулась и уставилась на меня со слезами на глазах.

– Ваше Высочество, вы не можете, – тихо сказал я.

Элизабет опустила глаза:

– Да. Она не станет делиться. Элвин, ты не знаешь, она страшный человек, и это не слухи, она... Пожалуйста, поехали со мной. Я тоже принцесса, я оформлю все бумаги, все что нужно, только...

– Зачем? – вырвалось у меня.

Она посмотрела на меня, и ее взгляд красноречивее слов говорил, что любовь зла.

– Моя госпожа очень добра, – как можно мягче сказал я. – Вам не нужно за меня бояться. Пойдемте, Ваше Высочество, я вас провожу.

Она отвернулась к стене и заплакала. Мне было ее жаль. Это на самом деле удивительно – она обращалась со мной, как с вещью... Может, лишь чуть-чуть лучше, чем другие. Но по-своему она и правда меня любила. А я не мог найти и каплю чувства к ней. Даже ее чокнутой кухней я восхищался больше.

– Я не смогу жить без тебя, – выдохнула Элизабет уже у кареты.

– Сможете, Ваше Высочество. Я всего лишь спутник.

Она посмотрела на меня так, словно впервые увидела.

«А ведь мог поехать с ней, – думал я чуть позже, глядя вслед увозящей ее карете. – Если управлять ею, если все сделать правильно, она бы плясала под мою дудку. И получила бы то,

что хотела. Все были бы довольны». Я вздрогнул, поняв, что обдумываю это всерьез. Как это низко!

– Господин, плащ. – Ори тут же оказался рядом. – Вы замерзли.

Я покачал головой.

– Нет. Проводи меня, пожалуйста, в столовую. Не думаю, что вспомню дорогу.

Шериада все еще сидела за столом – его и залу уже привели в порядок: осколки убрали, лимонад вытерли. Принцесса задумчиво изучала чашку, полную ягод – круглых, синего цвета. Никогда таких не видел.

– Я уж думала, ты не вернешься, – вздохнула она.

Я улыбнулся:

– Что вы, Ваше Высочество. Как я мог? Вы платите больше.

Шериада рассмеялась:

– Естественно. Садись, Элвин. Попробуй голубику.

Ягода оказалась сладкой – не приторно, а свежо сладкой. Я не заметил, как съел всю чашку, а принцесса только улыбнулась. Потом она сказала:

– Что ж, раз ты со мной, нам требуется решить две проблемы: твое фехтование и язык.

– Язык, госпожа?

– Да. Тебе нужно выучить нуклийский. Заранее сочувствую, но придется. Ты же не хочешь быть немым и глухим? Пренеприятное ощущение, поверь мне...

У меня екнуло сердце.

– Госпожа, вы хотите забрать меня на Большую Землю?

– Куда? А, нет, конечно. Что я там забыла?

– Но... Нуклий...

– В Нуклий я тебя тоже забирать не стану: не стоит тебе там появляться, пока хотя бы основы магии не освоишь.

– Госпожа, но зачем мне тогда учить язык? – Нуклия не существует, я был уверен. Вряд ли она настолько помешана, что придумала целый язык? Хотя...

Шериада отмахнулась – и я заметил, как ее взгляд неожиданно потеплел, а на губах расцвела улыбка.

– Ох, Рин, не начинай. Ты же знаешь, не только маги, но и послы и даже торговцы говорят на высоком нуклийском. Твой просторечный звучен и дерзок, но он не для дворца... Почему ты на меня так смотришь? Я снова сказала что-то не то?

– Госпожа, простите, я вас не понимаю. К кому вы обращаетесь?

Мгновение она хмурилась, потом ее взгляд расширился и в нем мелькнул ужас – такой, что я и сам испугался.

Она вскочила – и кресло полетело на пол. А Шериада закатила глаза и упала, словно ее подкосили.

Мы с дворецким оказались рядом одновременно. Принцесса билась на полу с такой силой, что я думал, она разобьет себе лоб. И что-то шептала на чужом языке, пока у нее не кончился голос. Это не фигура речи, он правда кончился – и она внезапно онемела. И, отталкивая мои руки, сама пыталась дотянуться до своего левого бедра.

– Зовите же врача! – выдохнул я.

Дворецкий держал принцессу, ему помогали лакеи – она оказалась удивительно сильной.

– Врач не поможет, господин.

«Проклятье, они все здесь не в себе», – подумал я.

– Тогда что вы делаете в таких случаях?

Дворецкий вдруг растерял всю свою уверенность:

– Я не... Мне не давали инструкций...

Тут Шериада крепко схватила меня за руку и рывком положила ее на свое бедро. Она задыхалась, но в глазах у нее прояснилось. Она все еще не могла говорить.

Слева в подоле у нее оказался потайной карман с маленьким шприцем в футляре. «Неужели это ломка?» – думал я, вынимая шприц. Как я говорил, медицинскую подготовку проходит каждый спутник. Шериада, словно боясь, что я не пойму, вытянула трясущуюся руку и повернула так, что и дурак бы увидел на ее бледной коже вену.

Бывало, я находил Рая в похожем состоянии, поэтому опыт у меня был. Правда, принцесса не заснула после укола и не успокоилась. Но голос к ней вернулся.

– Элвин, кольцо с печатью у меня на руке. Сними, – четко приказала она. – Брось его в кувшин с водой на столе. А теперь вылей воду. Широким, размашистым движением. Только не на меня, ладно? – Она даже попыталась улыбнуться:

Что произошло дальше, я осознать сразу не смог. Кольцо в воде пропало, а сама вода застыла в воздухе, собравшись в дрожащий овал, похожий на зеркало. Какое-то время я видел в нем себя, но потом отражение изменилось.

Незнакомый юноша в черном сидел за столом в странной комнате (я заметил на стене карту – такую же, как сам вчера рисовал). Он удивленно смотрел на меня. Я невольно отметил, что он красив, но не вызывающе, а мягко... То есть конкуренцию мне составить не мог. Впрочем, спутника он напоминал меньше всего. Держался он как лорд, хоть его голос, когда он что-то спросил, звучал доброжелательно.

Шериада, запинаясь, ответила на том же языке, потом снова обратилась ко мне:

– Протяни... руку.

Я послушался и вздрогнул, когда моего запястья коснулись прохладные пальцы... Мокрые, потому что, когда он шагнул в комнату, вся вода из кувшина обрушилась ему на голову. Юноша посмотрел на меня, усмехнулся. Но тут Шериада снова забилась на полу, и он кинулся к ней.

Он явно знал, что делать. У него были с собой еще шприцы, целый чемоданчик, – я так и не понял, откуда он его достал. «Наверное, он врач», – решил я.

Дождавшись, пока принцесса снова успокоится, он легко поднял ее и, спокойно отдавая приказы слугам, понес из столовой. С его мокрых волос капала вода.

– Что это было? – спросил я позже, в спальне.

Взволнованный Ори зачем-то выбирал мне новый костюм.

– Нужно надеть черное, господин. Конечно, черное...

За ночь у меня волшебным образом появилась одежда самых разнообразных цветов, и сейчас на мне был приличный серый камзол. Ори же вытащил черную шелковую рубашку, блестящую даже на бледном зимнем солнце. Потом достал брюки – конечно, тоже черные – и расшитый серебряной нитью жилет.

– Ори, с госпожой часто такое бывает?

Он словно очнулся, повернулся ко мне – бледный, испуганный. Помотал головой:

– Я не знаю, господин, я здесь недавно...

Я нахмурился, а Ори как будто испугался еще сильнее:

– Господин, я не целитель, у волшебников свои болезни, я не... Простите...

Я подумал о кувшине с водой и выходящем из отражения юноше. Он отнес госпожу на третий этаж, и ему проводник как будто не был нужен. Может... может, мне показалось? Может, в чае что-то было? И этот человек приехал вчера вместе с госпожой, просто я его не видел? Дом ведь огромный...

В это поверить было легче, чем в то, что видели мои глаза. Да, конечно, галлюцинация. Чай наливала госпожа, я видел, как ее саму ломало; наверняка наркотик... Я пока чувствовал себя хорошо, но это только пока.

Нужно найти здесь кухню и готовить самому.

День тянулся невероятно медленно. Я попытался убедить Ори показать мне дорогу на кухню, но он отчего-то так побледнел, словно принцесса там, как сказочная ведьма, держит любопытных мальчиков, зашивает им рты, а потом съедает.

Так что я слонялся по библиотеке, сначала беспечно перечитывая названия... Долго это, конечно, не продлилось: книги всегда меня манили. Очень скоро я обнаружил себя на диване с томом приключенческого романа в руках. Буквы порой плясали перед глазами – словно чужие знаки языка превращались в знакомые слова. Нет, все же было что-то в том чае...

Роман я прочел часа за три, конец намекал на продолжение, и я отправился его искать. В каком порядке стояли книги у принцессы в библиотеке, понять было невозможно. Мне даже казалось, они сами перемещаются. Вот перед тобой альбом растений Нуклия. Закрываешь глаза – на этом же месте «Теория магии. Том 1». Наверное, у меня с головой что-то было не так, думал я. Нет же у книг ног, в конце концов.

Так меня и нашел тот молодой врач. Он, конечно, успел обсохнуть... Может, мне и вода почудилась?

– Ты, должно быть, Элвин? – услышал я. И обернулся, чуть не уронив книги, которые успел для себя отобрать.

Юноша стоял рядом, а я умудрился не услышать, как он подходил.

На всякий случай я поклонился:

– Да, господин.

Он улыбнулся и на поклон ответил лишь кивком.

– Нуал, – коротко представился он. Его глаза расширились. – Она была права, ты действительно одаренный демонолог. С Руаданом еще не познакомился?

– Нет, господин.

Он снова улыбнулся. Его улыбка казалась приклеенной. Не фальшивой, а, скорее, заученной. Словно он носил маску, которую уже забыл, как снимать. Мысленно я сравнил его со змеем. Было что-то в его внимательном взгляде, плавных движениях, что заставило меня подумать, что этот человек опасен.

– Тебе повезло. Когда увидишь – а он непременно явится на тебя посмотреть, – ни в коем случае ему не перечь. Он сначала бьет, потом думает. Все демоны такие. – Он вздохнул, и на его лбу мелькнули, словно выглянули из-под маски, морщины. Я впервые усомнился тогда, действительно ли он молод.

– Ну, не так уж и плохо, – продолжил врач. – Она очень тебя достала, да?

– Что? Господин, я не...

Он словно что-то прочитал в моих глазах, потому что вдруг рассмеялся.

– С ней сложно, это так. Собственно, для этого я тебя и искал. – Он протянул листок бумаги, такой же белый, как и тот, на котором Шериада писала мне вопросы. – Раз уж наша красавица застряла здесь на неопределенный срок... Обычно неделя, но в этот раз не удивлюсь, если окажется две. Так вот, раз уж и ты здесь, придется тебе за ней проследить. Слуги не помогут: они ее боятся, ты сам видишь. Остаешься только ты.

Он подошел ближе и сам вложил мне листок в руку.

– Смотри...

Его почерк, в отличие от каракулей принцессы, был изящным, уверенным, с завитушками.

– Во-первых, шоколад. Ей волю дай, она им упьется. Не больше одного бокала в день, лучше на ночь. Да, ей это не понравится, но напоминания хватит: она знает, что ей нельзя. – Нуал задумчиво нахмурился. – Но если не сработает, прибавь, что ее брат очень расстроится. Это всегда помогает. Далее – аппетит у нее здорово упадет. Нужно следить, чтобы она ела. Завтракай, обедай и так далее вместе с ней. Ах да, первое время она будет слабой, как младенец. Не удивляйся. Как я понимаю, она тебе доверяет, но... Если захочешь ее убить... Не смотри на

меня так, я просто предупреждаю: если захочешь ее убить, на тот свет отправишься первым. Так что сто раз подумай. И последнее. Не позволяй ей засиживаться за полночь. Лучше уложи ее в свою постель, одной ей сейчас все равно...

– Милорд, госпожа ясно дала понять, что секс со мной ее не интересует, – перебил я. Да, он точно врач. Кто бы еще говорил о таком не покраснев? Разве что такой же спутник.

Нуал насмешливо посмотрел на меня:

– Вот прямо сейчас она может и передумать: секс для ведьмы – как батарейка для игрушек демонов... Но я не это имел в виду. Хотя ты очень в ее вкусе... Прости, я забылся. Она не сможет сейчас одна: у нее начнутся видения, кошмары... Она сама к тебе постучится, вот увидишь. Не пугайся. В такой момент с ней нужно говорить – неважно о чем, она потом все равно не вспомнит. Ночи две-три. Затем она придет в себя и больше тебя не побеспокоит.

Я слушал и думал: «Он тоже чокнутый».

– Ты запомнил?

– Да, господин.

– Если что, вызови меня, как в прошлый раз. Только держи портал подольше, хорошо? – Он усмехнулся: – Ты недавно ему научился, да? Ничего, бывает. Что ж, удачи тебе. Зови, если что.

Он похлопал меня по плечу, щелкнул пальцами и исчез.

А я остался стоять как истукан, пытаясь понять, была ли это галлюцинация или здесь и правда что-то происходит?

Вечер прошел тихо, как и ночь. За нормальным целителем так и не посылали, слуги на мои вопросы не отвечали, а завтрак на следующее утро подали в спальню.

Приказов для меня не поступало, так что я снова отправился в библиотеку. Продолжение романа я вчера так и не нашел и теперь намеревался отыскать его, хоть бы и перерыв все стеллажи. Все равно других дел у меня не было.

В итоге принцесса застала меня врасплох.

– А-а-а, и ты на него попался, – услышал я. А когда обернулся, Шериада стояла, прислонившись к стеллажу. На ней был легкий летний халат – ткань струилась, как вода, и переливалась на свету. Шелк? Но мое внимание привлекало даже не это и не голос – к нему я уже начал привыкать. Это были волосы. Сегодня принцесса не стала укладывать их в прическу. И какими они были длинными! Кажется, они даже стелились за Шериадой по полу, как плащ. В таком виде она снова показалась мне волшебным существом, вроде русалки, вынырнувшей из озера поболтать с человеком.

– Что, жутко выгляжу? – улыбнулась она. – Ну прости, камеристку я не захватила, а наряжаться самой неохота. – Она зевнула, аккуратно прикрыв рот ладонью – на этот раз без перчатки. «Зачем она прячет такие руки?» – думал я. А принцесса продолжала: – Насчет книги... – Она оглянулась. – Вон там, на третьей полке, посмотри. Алый корешок. Она? Я ее писателя лично уговаривала сочинить продолжение. Он в первой книге намеревался убить всех героев, представляешь? Пришлось пригрозить, что тогда я убью его. А если все выживут и конец будет счастливый, исполню одно его желание. Так что ты думаешь? Он сюжет еще на пять книг растянул, а потом все равно всех убил. Но мне к тому времени уже было все равно. – Она рассмеялась. – Так что желание его я исполнила.

– Госпожа, как вы себя чувствуете?

Она оттолкнулась от стеллажа и сделала пару неуверенных шагов в сторону дивана. Я успел ее подхватить, прежде чем она упала. И понял, почему Шериада была в легком халате: она вся пылала.

– Вот как-то так, – пробормотала она. – Помогите, пожалуйста.

До дивана я донес ее на руках – она была невероятно легкая. Правда, я запутался в ее волосах, и она рассмеялась. А потом попросила:

– Принеси мне бумагу и перо, пожалуйста. В столе должны быть. А лучше перьевую ручку.

– Госпожа, быть может, стоит послать за врачом?

Она удивилась:

– А что, Нуал с тобой не говорил? Не поверю.

Я вздохнул:

– Госпожа, простите, но если эта игра угрожает вашей жизни...

– Это не игра, и моей жизни ничто не угрожает. Бумагу и перо.

Позже, приладив складной столик на коленях, она рассуждала:

– У нас две недели, не больше...

– До чего, госпожа?

Шериада ослепительно улыбнулась:

– До конца игры, мой дорогой. Ты знаешь азы, это неплохо, но тебя нужно познакомить с Междумирьем. Впрочем, много времени это не займет. Твоя память просто ошеломляет... Пожалуй, раз уж я застряла здесь, следует натаскать тебя по основам теоретической магии. Необязательно, но в будущем очень пригодится. И язык. За две недели ты его, конечно, не выучишь... Хотя... При правильной мотивации... Что, если я утрою твою зарплату? Подарить твоей семье титул?

– Госпожа... не нужно титул.

– Разумное решение: титул всегда можно купить. Что ж, сможешь сносно объясняться на нуклийском через две недели – и сумма в твоём договоре утроится. А я тебе в этом помогу. Сегодня пройдем основы: произношение, алфавит, грамматика и так далее. С завтрашнего дня и я, и слуги будут говорить с тобой только по-нуклийски. Погружение в языковую среду всегда помогает. Мне помогло. Что еще? Учителя фехтования Нуал приведет... Как он тебе, кстати?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.